

Сергей КИРИЕНКО

ГУЛЫ

Книга третья:
СХВАТКА

Редакция 2017 г.

18+

Сергей Кириенко

Гулы. Книга третья: Схватка

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кириенко С. И.

Гулы. Книга третья: Схватка / С. И. Кириенко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-0718-2

Их осталось семеро – они прошли через все круги ада, и им неоткуда ждать помощи. Сумеют ли они остановить Зло, готовившееся к этому дню столетиями? Смогут ли они помешать Вассах Гулу и его слугам захватить всю планету, и если да, то какую страшную цену им придется заплатить за это?

ISBN 978-5-5321-0718-2

© Кириенко С. И., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Часть пятая: ПО ТУ СТОРОНУ ТЬМЫ	6
Глава тридцать вторая	6
Глава тридцать третья	14
Глава тридцать четвертая	26
Глава тридцать пятая	35
Глава тридцать шестая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

В оформлении обложки книги использована фотография с <https://pxhere.com> по лицензии СС0.

Часть пятая: ПО ТУ СТОРОНУ ТЬМЫ

Глава тридцать вторая

После полудня погода окончательно изменилась: солнце исчезло за пеленой облаков, а сами они потемнели, превратившись из снежно-асбестовых айсбергов в свинцовые кляксы. Не стихающий ветер гнал их по небу, приминая к земле, – временами казалось, что еще немного и этот полог обрушится на вершину горы, которая подобно подводному рифу, вспарывающему днище корабля, прорежет свинцовую пелену, и на землю рухнет потоп...

Восточный склон Кальва-Монтанья, поросший деревьями и кустарником, напоминал морду зверя, улегшегося над долиной и равнодушно наблюдающего за гибелью города, – на фоне зеленой растительности проступали пятна сурьмовой глины, лишенные травы – эти пятна напоминали глаза, скользящие по долине и видящие всё. Впрочем, если они и видели происходящее в городе, то не могли разглядеть то, что двигалось между ними, – по склону горы медленно ехал автомобиль. Словно диковинное насекомое, петлял он между деревьями, поднимаясь к вершине. Сидящие в автомобиле смотрели по сторонам и видели нескончаемую череду каштанов и альпийских берез, аллепских сосен и ясеня. В некоторых местах деревья сменялись кустарником, а пару раз мимо машины проплывали поляны, покрытые скудной травой.

Сидящий за рулем комиссар напряженно всматривался в прячущиеся за деревьями тени. Они поднимались по склону Кальва-Монтанья уже больше пяти минут, и скоро должна была показаться площадка смотровой станции. Там они смогут поесть и найти аптечку для Аз Гохара; кроме того, на станции должны быть бинокли и небольшой телескоп, через которые можно осмотреть город, если только... Гольди нахмурился в который раз пришедшей ему на ум мысли: если только они с Аз Гохаром не ошибаются и не права Джей Адамс...

...Десять минут назад, когда они подъехали к восточному подножию Кальва-Монтанья, оставив позади заросли дикого винограда, комиссар свернул на дорогу, соединяющую Террено со склоном горы, и принялся подниматься по ней, но не успели они проехать и двухсот метров к подножию, как обнаружили препятствие: поперек дороги лежал ствол каштана – комиссару не оставалось ничего другого, как остановиться...

Когда «ланча» замерла в пяти метрах от дерева, они какое-то время с напряжением смотрели по сторонам (Гольди даже подумал, что каждый из них ждет, что вот сейчас из-за кустов появятся ухмыляющиеся твари, которых не останавливают пули, и его бронированная машина уже не спасет их, потому что на узкой дороге он не сумеет уйти задним ходом), однако после небольшой паузы заговорил Аз Гохар, и его слова подействовали на всех успокаивающе. Старик заявил, что, скорее всего, это действительно дело рук гулов, но вряд ли сейчас они находятся где-то поблизости, потому что в этом нет смысла – дорога эта тупиковая и не выходит из долины, а дерево было свалено ими, очевидно, с утра – для того, чтобы по ней не могли подняться туристы.

После слов Аз Гохара демонолог спросил, что они будут делать теперь: попытаются идти дальше пешком или вернуться назад – ведь, для того, чтобы поговорить, можно найти укромное место в лесу? Старик перевел взгляд на Гольди, и тот заявил, что, если Аз Гохар прав и здесь действительно нет этих тварей, то они могут двигаться дальше – и даже не пешком, а на машине, – и предложил оттащить это дерево тросом. Его предложение вызвало спор, в котором приняла участие Джей, поддержавшая демолога в том, что лучше уехать отсюда; но так как за две минуты ничего не случилось, они решили последовать совету комис-

сара – Гольди и демонолог выбрались из машины, комиссар достал из багажника трос, и они двинулись к дереву.

Они быстро обнаружили, что ствол каштана был перепилен пилой. Судя по подсохшим опилкам, произошло это часа три – три с половиной назад, из чего следовало, что Аз Гохар прав: дерево спилили для того, чтобы утром на смотровую площадку не смогли подняться туристы, которые в момент гибели горожан могли бы остаться в живых... Упавший ствол был громоздким – около двадцати метров в длину, – но комиссар был уверен, что его «ланча» справится с ним.

Когда они прикрепили конец троса к машине, а другой обмотали вокруг верхушки каштана, оба вернулись в машину, комиссар завел двигатель и, двигаясь задним ходом, стащил дерево на обочину. Отцепив трос, Гольди вернул его в багажник машины, после чего «ланча» двинулась к смотровой станции... Они проехали метров сорок, и вдруг Джей сказала, что, возможно, один из гулов все-таки остался на Кальва-Монтанья, чтобы с высоты наблюдать за долиной и сообщать оставшимся внизу о происходящем в Террено. Гольди нахмурился, но, прежде чем успел что-то ответить, Аз Гохар заявил, что это маловероятно, так как пока гулов не так уж и много, и Вассах вряд ли решит оставить одного из них на горе, когда внизу каждый гул на счету...

...И все-таки комиссара не оставляло сомнение: глядя на обступающие дорогу деревья, он почти физически ощущал за каждым из них безжизненное лицо адской твари с ухмылкой покойника – ни на секунду не мог он забыть выражение дьявольской радости, висевшее на лице твари, выскользнувшей из-за рефрижераторов...

Две минуты спустя, поднявшись на двадцать метров по склону, они оказались на высоте семидесяти метров над долиной, проехали сотню метров параллельно подножию и остановились перед спуском, ведущим к огромному валуну, у основания которого белело пятно смотровой станции.

Заглушив двигатель, Гольди достал пистолет и обернулся назад:

– Нужно узнать, что происходит на станции. Я выйду из машины, спущусь под деревьями и осматрю ее. Если гулы действительно там, я это замечу!

Когда он закончил, демонолог нахмурился:

– Почему *вы*, комиссар? Осмотреть станцию может любой из нас – например, я.

– Не глупите, синьор Белов, – недовольно поморщился Гольди. – Вы ни разу там не были, я же знаю ее как свои пять пальцев! Я просто пройду под деревьями и осматрю станцию с расстояния. Следы гулов я сразу замечу!

– Это не так-то легко... – попытался возразить Аз Гохар, но комиссар перебил его:

– Я иду вниз!

Щелкнув замком, он открыл дверцу «ланчи», но, прежде чем вылезти из машины, нажал кнопку, блокирующую заднюю дверь:

– Пусть синьор Белов сядет за руль. Закройтесь внутри и ждите меня! Если увидите что-нибудь подозрительное, заводите машину и уезжайте отсюда! Обо мне можете не беспокоиться – я уйду через лес!

Аз Гохар снова хотел что-то сказать, но Гольди уже распахнул дверь машины и выбрался на дорогу. Через секунду он нырнул в заросли орешника, росшие ниже по склону. Когда зеленая стена сомкнулась за его спиной, Андрей выбрался из машины и перешел за руль «ланчи»...

Полминуты спустя, пройдя через чашу орешника, комиссар оказался на неширокой поляне перед группой сосен, примостившихся возле спуска в овраг, за которым открывался прямой вид на смотровую площадку. Спустившись по каменистому склону к деревьям, остановился и на короткое время застыл, напряженно прислушиваясь: легкий ветер шуршал между листьями, где-то выше по склону раздавалось пение птиц, со стороны города, лежащего на дне

долины, не раздавалось ни звука... Комиссар повернул голову, но не услышал ничего подозрительного от оврага. Тогда он устроился между стволами двух сосен и принялся изучать раскинувшуюся в семидесяти метрах от него станцию.

Своей формой она напоминала перевернутую в зеркальном отражении букву «L»: ножкой ее служила асфальтированная площадка, рассчитанная на дюжину автомобилей, – к площадке примыкала дорога, идущая над оврагом, – основанием же являлся бетонированный пятачок с домиком для зрителя – в последнем располагались бар и хранилище инвентаря. С восточной стороны к домику примыкал навес с дюжиной столиков, сидя за которыми можно было пить кофе и любоваться долиной. Сам пятачок был огорожен полутораметровым парапетом, установленным для безопасности, – за ним каменистый склон обрывался под углом в шестьдесят градусов. Между площадкой и соснами, на которых устроился Гольди, находился овраг; с северной стороны над площадкой нависала пятнадцатиметровая скала. Таким образом, незаметно к площадке можно было подобраться только с одной стороны – западной, – где склон горы, поросший можжевельником, уходил круто вверх...

С минуту комиссар смотрел на темные заросли, но не заметил, чтобы хоть одна ветка в них шелохнулась. Тогда он перевел взгляд на площадку. Стоянка для автомобилей была абсолютно пуста – так же, как и площадка для наблюдения, – комиссар четко видел пустые столы, никакого движения за стойкой бара не наблюдалось. Какое-то время он пытался увидеть зрителя, но никого не увидел. Впрочем, гораздо большее подозрение у него вызвало бы его присутствие – после того, что произошло в городе, было бы странно, если бы зритель спокойно сидел под навесом.

Еще с полминуты он думал. На его взгляд, если бы гулы решили спрятаться на станции, то сделать это они могли только в двух местах: в доме зрителя либо на западном склоне горы. Однако чем дольше он наблюдал, тем больше в нем крепла уверенность, что Джей ошибается – вряд ли Вассах посадил одного из них на площадку, потому что в этом нет смысла: отсюда нельзя связаться с Миланом либо как-то по-другому помешать гулам; поваленного же дерева было достаточно, чтобы до обеда сюда никто не поднялся и не остался в живых...

Еще пару долгих мгновений комиссар наблюдал за площадкой, но никого не увидел. Тогда он спустился с сосны и повернулся к орешнику, собираясь подняться к автомобилю, но в это секунду заметил недалеко от себя россыпь базальта. Мгновение он колебался, затем поднял один из камней и взвесил, прикидывая, добросит ли он его до площадки?.. До станции было семьдесят метров, но располагалась она метров на пятнадцать ниже деревьев, поэтому реальная дальность броска сокращалась.

Спустившись по склону, он оказался у края оврага, размахнулся и швырнул камень к площадке. Взлетев высоко в воздух, камень по крутой дуге пошел вверх, уже очень скоро достиг высшей точки полета и направился вниз.

Следя за ним, Гольди решил, что цели тот не достигнет – слишком круто он падал, – но вскоре вдруг понял, что его первоначальный расчет был все-таки верным: через пару секунд камень глухо упал на площадку и, подпрыгивая, помчался к скале... Через пару мгновений до него долетел звук удара, когда камень врезался в дом. Какое-то время комиссар ждал, но ничего не увидел.

Тогда он опять развернулся и принялся взбираться к орешнику – теперь у него появилась уверенность в том, что на станции нет никого: ведь если бы настоящий зритель находился в доме, то после удара он вышел бы посмотреть, что вызвало шум; гулы же не могли находиться на станции по причине, указанной Аз Гохаром...

Через короткое время Гольди выбрался на дорогу и направился к «ланче».

Когда он оказался у самой машины, Андрей освободил водительское сидение, пересев к Аз Гохару; комиссар опустил за руль и сказал:

– Похоже, на станции пусто.

– Вы в этом уверены? – бросил старик.

– Смотрителя там нет, это точно. Обычно он приезжает сюда на машине, но сейчас вся парковка пуста. Что касается гулов... – Гольди двинул плечами: – Единственное, ради чего они могли здесь находиться, – это слежка за городом сверху, но на площадке я никого не увидел. Если же предположить, что они спрятались где-то поблизости, чтобы подкараулить какого-нибудь выжившего горожанина, то в этом нет смысла – никто не сумеет помешать им отсюда!

Немного подумав, Аз Гохар молча кивнул; комиссар же повернул ключ зажигания – «ланча» тронулась с места...

Минуту спустя, проехав по западному склону оврага, машина въехала на стоянку смотровой станции. Развернувшись капотом к дороге, Гольди заглушил двигатель и оглядел всех сидящих: Джей Адамс, примостившись на переднем сидении, с беспокойством озиралась по сторонам; то же делали Аз Гохар и Андрей; замершая между мужчинами Паола в окно не смотрела – на лице ее было написано такое выражение, какое Гольди видел однажды у человека, пережившего железнодорожную катастрофу под Бари, – похоже, она была в шоке.

Осторожно кашлянув, он сказал:

– Итак, мы на месте...

Аз Гохар оторвал взгляд от склона и посмотрел на него.

– ...Полагаю, мы можем начать. Нам нужны телескоп, аптечка для вас и еда. Предлагаю немедленно разделить, чтобы не терять времени: аптечка должна находиться в баре, думаю, вы найдете ее, синьор Аз Гохар... Синьор Белов, вы справитесь с телескопом?

Андрей, не отрываясь от склона, кивнул.

– Он находится в доме смотрителя, с задней стороны. Я же займусь едой... – Глядя на Джей, комиссар пояснил: – Полагаю, ни у кого сейчас нет аппетита, но поесть нам необходимо – на одной нервной энергии мы много не сделаем!

Аз Гохар одобрительно бросил:

– Вы правы, комиссар, – впереди долгий день!

Гольди кивнул:

– Наконец, женщинам я предлагаю пройти под навес и подождать там. Другие предложения есть? – Он оглядел лица сидящих и, не увидев возражения, распахнул дверь машины.

Через пару секунд все пятеро выбрались из автомобиля и двинулись по стоянке: Джей Адамс и Паола в сопровождении Гольди направились к стоящим под навесом столам; Андрей с автоматом в руке отправился к дому...

Две минуты спустя комиссар вышел из бара, неся на подносе грудку глазированных пончиков, батончиков шоколада, две упаковки риччарелло и несколько банок колы. Поставив всё это на стол, за которым сидели Джей Адамс и Паола, он вытащил из кармана пачку «Национали» и протянул ее Джей:

– Это вам, Джей. К сожалению, американских я не нашел – это всё, что там было.

Джей молча взяла сигареты.

– Выпейте колы, Паола, – Гольди протянул девушке уже открытую банку.

Он проследил за тем, как взяв банку, Паола поднесла ее ко рту, и нахмурился: вид девушки ему откровенно не нравился – она всё больше уходила в себя.

– В баре почти ничего нет, – сообщил комиссар. – Я нашел там несколько порций жареной утки и пиццы, но они холодные, а микроволновка не работает – нет электричества. Впрочем, их можно съесть и холодными.

Он перевел взгляд с Джей Адамс, взявшей шоколадный батончик, на сидящего за соседним столом старика – перед последним лежали бинт с пластырем и фарфоровая чашка, в которой Аз Гохар успел развести перекись водорода. Сейчас старик стянул тряпку, которой обматывал руку на автозаправочной станции, и обрабатывал рану смоченной в антисептике марлей.

Оставив женщин, комиссар подошел к Аз Гохару и опустился на стул рядом с ним.

– Ну, и как вы?

– В порядке. Это рана – простая царапина, комиссар; в обычной ситуации я бы даже не придавал ей значения... – Старик чуть напрягся. – Правда теперешняя ситуация далеко не обычная, и боюсь, в самый ответственный момент эта рана может сыграть со мной злую шутку!

– Есть онемение?

– Небольшое. Возле локтя.

– Давайте я вам помогу...

Гольди взял бинт и, перевязав руку сидящего старика, начал крепить свободные концы пластырем. Когда с этим было покончено, он вдруг нахмурился пришедшей ему на ум мысли: за сегодняшний день это была уже вторая повязка, которую ему пришлось делать, – правда, в первый раз он сделал ее существу, час назад уничтожившему жителей города.

В этот миг из-за дальнего угла дома появился демонолог. В левой руке он нес треногу штатива, в правой – метровую трубу телескопа; на шее у него болтались автомат и пара биноклей. Пройдя вдоль навеса, он остановился в метре от ограждения, поставил штатив на асфальт и принялся укреплять телескоп.

Кивнув на соседний стол, Гольди сказал:

– Думаю, вам стоит подкрепиться, синьор Аз Гохар, – шоколад подойдет в самый раз – он восстанавливает кровь. Если захотите мяса, в баре есть курица.

– Спасибо, комиссар! – Аз Гохар вытащил из кармана куртки рукав и принялся пристегивать его к комбинезону.

Гольди поднялся со стула и, выйдя из-под навеса, огляделся по сторонам. Легкий ветер шевелил кусты можжевельника и кроны росших на склоне деревьев; однако, кроме этого движения, ничего подозрительного ни возле стоянки, ни вдоль дороги, поднимающейся к группе сосен, от которых пять минут назад он наблюдал за площадкой, комиссар сейчас не увидел. Тогда он развернулся и подошел к парапету. К этому времени Андрей зафиксировал трубу телескопа на верхушке штатива и затягивал винтами крепящие хомуты.

Гольди взял один из биноклей, которые демонолог повесил на парапет, и повернулся к долине, но, прежде чем наводить прибор на Террено, спросил тихим голосом – так, что сидящие под навесом женщины его не услышали:

– Синьор Белов, вы нашли кого-нибудь в здании?

– Нет, похоже, со вчерашнего вечера там никого не было... – Андрей сделал паузу. – В баре тоже никого нет?

– Нет.

– Значит, как вы и предполагали, станция пуста... Куда же делся смотритель?

– Не знаю, – пожал плечами Гольди. – Не исключено, что сегодня он сюда вообще не поднимался. А может быть, спустился в долину, увидев, что происходит в Террено?

По-прежнему не поднимая бинокль, он посмотрел на восток. Смотровую станцию не случайно построили именно в этом месте горы – склон Кальва-Монтанья слегка выдавался здесь – с семидесятиметровой высоты лежащий внизу город просматривался полностью: у самого горизонта сверкала лента реки, ограничивающая Террено с востока и уходящая на север к Мorte-Коллине; от реки начиналось рыжеватое «море», образованное крышами домов «старого» города, – оно протягивалось на запад, занимая четверть долины, и обрывалось у Золотого Бульвара, за которым начиналась совсем другая картина – кирпично-красное «море» сменялось разноцветной мозаикой «американского» квартала, к северо-западу от которого темнел гигантский прямоугольник циркониевого завода, а на севере, за тонкой ниточкой объездной дороги, тянулись километры взлетных полос...

Какое-то время Гольди смотрел на Террено, понимая, что через бинокль всё равно ничего не увидит: город находится слишком далеко – до ближайшей к горе юго-западной оконечности, где расположено Чимитеро ди Джовани, не меньше полутора километров, а до северо-

восточной – все шесть; и все-таки поднял его и посмотрел в центр Террено, пытаясь разглядеть Пьяцца дель Фуоко...

Какое-то время в окулярах плясала мешанина из крыш и фонарных столбов, а потом он заметил ярко-зеленое пятно, окружающее центр Террено. Комиссар постарался зафиксировать бинокль и вскоре различил купол ратуши. То, что находилось внизу, увидеть было нельзя, но Гольди хорошо еще помнил картину расстрела карабинеров, и чтобы представить себе лежащие на площади трупы, ему необязательно было их видеть...

Мгновение он смотрел на Пьяцца дель Фуоко, а затем перевел бинокль в сторону Золотого Бульвара. Въяле Чоччоне являлся вторым по ширине проспектом Террено и единственным в «старом» городе, который просматривался со смотровой станции. Несколько секунд комиссар всматривался в полосу Бульвара, стараясь увидеть на ней хоть какое-нибудь движение, но ничего не увидел – обычно кажущийся живым из-за движущихся по нему машин, проспект был сейчас мертв. Тогда он опустил бинокль и перевел взгляд на демонолога – тот почти закончил укреплять телескоп. Через стопятидесятикратный прибор можно будет разглядеть происходящее в городе, подумал комиссар, впрочем, ничего хорошего они там, наверняка, не увидят...

Неожиданно в сознании его промелькнули картины, виденные им на выезде из Террено, и Гольди нахмурился. Повернувшись к навесу, под которым замерли три человека, прошел к старику и, усевшись напротив него, протянул:

– Синьор Аз Гохар, не пора ли вам рассказать нам о гулах?

Старик оторвался от упаковки миндального печенья и перевел взгляд на комиссара; Джей Адамс и Паола механически посмотрели на него.

Секунду Аз Гохар сидел молча.

– Рассказать вам о гулах...?

Из груди его вырвался вздох.

– ...Не так это просто – в двух словах это не сделаешь. – Он взглянул на часы, стрелки которых показывали четверть первого. – Для этого потребуется время?

– Ничего, оно у нас есть. Пока гулы не начнут действовать, мы тоже ничего сделать не сможем!

Старик скользнул взглядом по лицам сидящих – у Паолы в глазах светилось отчаяние, и ее, кажется, совсем не интересовало, что мог сказать Аз Гохар, на лице Джей Адамс отражалась усталость, – наконец, поднял банку и сделал глоток... Неожиданно у комиссара возникло странное чувство, что Аз Гохар специально оттягивает время, не желая ему отвечать.

Комиссар шевельнулся на стуле и повторил:

– Синьор Аз Гохар, вы *обещали* рассказать нам о гулах! Мы ждем...

* * *

Черное дуло, обрамленное серым прямоугольником стали, завораживало, словно волшебный колодец. Глядя в его манящую черноту, так просто было поверить, что в нем разрешение всех проблем, что достаточно спустить курок, и он избавится от этих страданий: не будет боли, заполнившей грудь, пустоты, разрывающей душу, и отчаяния – невыносимо-тоскливого, в миллионы раз худшего, чем мгновенная смерть...

Зловещий кругляш приближался к нему, разрастаясь и заполняя собой всё вокруг. Внезапно вселенская чернота проглотила его, окутав непроницаемым коконом, и только короткими метеорами проскальзывали в ней обрывки воспоминаний...

...Утро этого дня: они завтракают на веранде, Нанда озорно смотрит на мать. Он спрашивает, не хочет ли она снова побывать в доме у бабушки и поиграть с его догом? Нанда смеется, отчего становится видна дырка на месте выпавшего зуба, и отвечает: «Конечно!»...

Два года назад: день рождения дочери. Доминик Пальоли приносит ей в подарок плюшевого зайца. Нанда бросается целовать его – она всегда любила Доминика и, сколько ни говорил он ей, называла его «дядя Толстуши», – а потом начинает носиться по саду вокруг импровизированного стола, устроенного под эвкалиптами...

Пять лет назад: у Нанды какая-то редкая болезнь. Лекарство от болезни есть только в Голландии. Он отправляет за лекарством Армандо, а сам сидит у кровати дочери, попеременно с Мальдой, не спит двое суток, пока не приезжает сароaiuto. Нанде дают лекарство, но еще сутки, пока оно не начинает действовать, он не ложится...

Шесть лет назад: самый разгар Большого Передела Террено. Жена и дочь далеко от Италии, но каждый вечер Мальда звонит ему, и он слушает голос Нанды, которую Мальда подносит к трубке, и если в эту минуту приезжают Доминик и Армандо, он заставляет их ждать, и они ждут, хотя где-то льется кровь и нужно принимать срочное решение, пока дон Франческо слушает лепет дочери...

Десять лет назад: они с Мальдой в семидесяти километрах к северу от Реджо-ди-Калабрия, на берегу Тирренского моря, – это их медовый месяц. На прибрежной вилле, охраняемой людьми Эрбы, они с женой проводят месяц между кроватью и морем. Никогда больше не чувствует он себя настолько расслабленным и счастливым, свободным от всех забот и волнений...

...Легкий щелчок оборвал мельтешение картинок из прошлого – большой палец правой руки сам собой взвел боек. Внезапно кругляш черно-серого дула как будто ощерился, и на Франческо дохнуло холодом смерти. «Почему он не умер полчаса назад вместе с Мальдой и Нандой?» – пронеслось в голове. Он должен был умереть вместе с ними – тогда бы он не чувствовал этой опустошающей боли, непреходящего чувства вины, разрывающего сознание от мысли о том, что он не успел их спасти. Если бы комиссар выпустил его из машины, пока они находились в Террено, он бы умер вместе с дочерью и женой; теперь же их мертвые тела стынут в библиотеке, а он сидит в десяти метрах от них – еще не мертвый, но уже не живой.

Глядя на пистолет, он почти физически слышал этот голос: ну, давай же, спусти курок, и все твои проблемы исчезнут – ведь это так просто!..

Сжимая оружие, он думал, что это действительно просто, и не видел, что бы могло удержать его от этого шага. Двадцать лет назад, когда, скорчившись в трюме рыбацкой шхуны, направляющейся в Матаморос, он дрожал, каждую минуту ожидая, что вот сейчас их остановит береговая охрана и его бросят в тюрьму, он бы ни за что не выбрал этот путь – вся жизнь была у него впереди, с надеждами и неосуществленными планами. Пять лет спустя, когда уже в Милане он командовал небольшим отрядом возле порта, они с Армандо нарвались на двух обкуренных наркоманов и были на волос от гибели – он уже видел зловещее дуло обреза, направленного ему между глаз, но сделал отчаянный прыжок, так что картечь просвистела мимо плеча. Десять лет спустя на шоссе близ Варесе его машину обстреляли люди Пандоры – пули шелкали по кузову, осыпая его стеклянными крошками, но он выжил, ибо у него была цель, чтобы жить: дочь и жена, ждавшие его дома. Теперь же его этой цели лишили: Мальда и Нанда мертвы, дело всей его жизни порушено – все его люди погибли, – а его собственный дом полон покойников. Так что же способно удержать его от этого шага?

Глядя в зловещее дуло, Франческо вздохнул. Если выстрелить в сердце или висок, смерть будет мгновенной. Можно также выстрелить в рот – пуля пробьет нёбную перегородку и разрушит мозг...

Медленно подняв пистолет, он коснулся дула губами и почувствовал металлический вкус. Достаточно легкого движения пальца, и всё будет кончено – он умрет и, если парни из Ватикана не врут, увидит дочь и жену; если же там ничего, то даже *это* намного лучше того, что он испытывает сейчас.

Он слегка придавил спусковой крючок, и оружие, словно живой организм, отозвалось на движение: в глубине его что-то скрипнуло, и это подействовало на Франческо, заставив опять перенестись в прошлое – он вдруг увидел себя двадцатилетним парнишкой рядом с Карло Гарцетти. Он не помнил точно, где это было: на автодроме, где его учили уходить от погони, или в тире, где Карло натаскивал его по мишеням, – сцена была смазанной; но лицо самого Карло было до неправдоподобия четким. Он не знал, почему вспомнил именно этот эпизод, но слова Карло Гарцетти зазвучали вдруг в голове с оглушительным громом. «...*Франческо, – говорил Карло, – ты знаешь, что самое главное в нашем деле? Умение хорошо стрелять? Просчитывать выгодные комбинации? Командовать людьми?.. Нет! Всё это важно, но не самое главное. Самое главное – дух!.. Что ты сделаешь, если в один черный день окажешься вдруг один? Если твою семью уничтожат? Если настанет момент, когда твоих родных и друзей достанут враги?.. Если в тебе силен дух, ты не сдашься. Если в тебе крепок дух, ты будешь помнить лишь об одном: кровь смывается кровью! И если ты останешься один, а твои враги будут праздновать победу, ты возьмешь пистолет и отомстишь им, даже если при этом погибнешь... Кровь смывается кровью – помни об этом! И если ты будешь помнить, и твои враги будут знать, что ты помнишь, они побоятся трогать даже малейшего из твоих друзей, ибо будут уверены, что месть неизбежна!..»*

Медленно опустив пистолет, Франческо поставил оружие на предохранитель и убрал палец с крючка. С неожиданной ясностью он осознал вдруг, что есть одна вещь, которую ему необходимо сделать, без осуществления которой он попросту не успокоится. Пусть потом опять придет боль, пусть снова навалится это отчаяние, мешающее дышать, но сначала он должен сделать это, потому что, кроме него, сейчас это сделать никому.

Опустив руку, он разжал бледно-серые пальцы – пистолет упал на ковер. Мгновение Франческо смотрел на лежащих посреди холла покойников, наконец, тяжело встал с дивана и двинулся к двери гостиной...

Глава тридцать третья

Задав свой вопрос, комиссар замолчал. Мгновение взгляд Аз Гохара был прикован к раскинувшемуся внизу городу: зрачки его были похожи на лесные озёра – глянцево-черные и безмолвные, хранящие на немыслимо-ледяной глубине свои темные тайны... Наконец, переведя взгляд на стол, старик проговорил тусклым голосом:

– То, что вы просите меня рассказать, комиссар, является секретом, который люди нашего рода оберегали на протяжении тысячелетий. Каждый мужчина из рода Аз Гохар, вступая на путь воина, приносит клятву отцу не открывать знаний о гулах непосвященным, чтобы оно не проникло в человеческий мир. Бог Света наделил нас этим знанием, оградив от него остальных. Знание о гулах – тяжкий груз, с которым каждый из нас живет свою жизнь, – и если я расскажу вам о гулах, вы не сможете повернуться и уйти – вам придется присоединиться ко мне в борьбе против них! Если же вы выживете, то должны будете хранить эту тайну до смерти!

Договорив предложение, Аз Гохар замолчал. Глядя в его глаза, подернувшиеся странной пленкой, делавшей их абсолютно непроницаемыми, Гольди подумал, что пленка эта, словно экран, загораживает от него мысли старика, и, обычно легко понимающий собеседника, сейчас он не мог понять истинного значения услышанного.

– Но мы и так готовы присоединиться к вам, – осторожно сказал комиссар. – Кроме того, мы *уже* кое-что знаем о гулах; поэтому, не все ли равно: узнаем мы больше или нет?

– Не обманывайтесь, комиссар, – ответил старик, – сейчас вам практически ничего не известно о них – только то, что они не похожи на людей и способны убивать не задумываясь!

– Но послушайте: я решил, что мы уже твердо договорились о том, что вы расскажете нам о гулах, – на автозаправочной станции. Теперь вы хотите изменить свое же решение?

– Нет, я готов рассказать вам о них, но с условием: выслушав меня, вы поможете мне уничтожить тех тварей, что захватили Террено. Никаких других вариантов, наподобие: выбраться из города, чтобы объяснить всё властям, или связаться с Миланом по телефону.

– Но послушайте...

– Если я выполню обещание, вам придется встать на мою сторону! – жестко повторил Аз Гохар. – Только на этом условии я расскажу вам о гулах!

Старик вновь умолк.

Мгновение Гольди смотрел на него, а потом перевел взгляд на женщин: у Паолы в глазах отражалось страдание, и вряд ли она могла что-то сказать; на лице Джей Адамс светилась тревога. Он снова вернул взгляд в глаза старика и с минуту раздумывал над услышанным...

На личном опыте он успел убедиться, что от внешнего мира Террено отрезан: дорога к Милану блокирована, шоссе на Варесе – с большой вероятностью, тоже. Электричество и телефоны в Террено отключены – это сделали бы даже начинающие террористы, что уж говорить о существах, возглавляемых тем, кто ждал этого дня сотни лет?.. Существовало несколько способов сообщить внешнему миру о происшедшем в Террено: первый – по спутниковому телефону; второй – с помощью рации, которые имеются в аэропорту, комиссариате и паре других мест Террено. Однако телефона космической связи у них просто нет – для того, чтобы достать его, необходимо спуститься в долину, а в тех местах, где есть рация, сейчас, наверняка, сидят гулы. Наконец, для того, чтобы без автомобиля добраться до ближайшего работающего телефона, потребуется перебраться через гору и идти на запад без малого четыре часа, либо переплыть реку и, рискуя увязнуть в болотах, пройти столько же на восток. Впрочем, то, что предлагает старик, еще более опасно: бросить вызов созданиям, уничтожившим город, – существам, которых не берут пули и которые способны расправиться с человеком, даже не приближаясь к нему. В любой другой ситуации он бы ни за что не пошел на такое – слишком неоправдан был риск, и он не видел причин помогать старику. Но ведь можно поступить по-другому, подумал

вдруг комиссар, – сказать Аз Гохару «да», и если из рассказанного им выйдет, что бороться с гулами слишком опасно, можно будет изменить решение – ведь не сможет же старик силой заставить его убивать этих тварей...

Слегка шевельнувшись на стуле, комиссар бросил:

– Ладно! Все выезды из города сейчас всё равно перекрыты, а карабкаться через гору мне неохота... Скажите хотя бы одно: их возможно убить?

– Разумеется!

– Ладно, – повторил комиссар, – так и быть: я готов померяться силами с гулами.

Аз Гохар перевел взгляд на Джей. Нервно скомкав обертки от пары батончика, которые она проглотила минуту назад, женщина вытащила узкую сигарету из пачки. Через секунду она щелкнула зажигалкой и протянула, как будто отвечая на вопрос старика:

– Если вы спрашиваете меня: согласна ли я пойти с вами, чтобы прикончить парочку тварей, то да – за последние сутки они!..

Не став договаривать, она глубоко затанулась.

Аз Гохар молча кивнул и повернул голову к Паоле. Однако на лице ее он увидел то же, что комиссар, – девушка была сейчас не в том состоянии, чтобы что-то решать. Тогда он перевел взгляд на Гольди.

– Ну, что ж, комиссар, синьор Белов уже в курсе того, что вы хотите узнать, поэтому, если вы приняли окончательное решение, я расскажу вам о гулах. – Подняв банку колы, он сделал глоток. – Но прежде вы должны показать мне ладони.

– Зачем?

– Мне необходимо узнать кое-что!

Гольди и Джей Адамс с недоумением переглянулись. Аз Гохар нетерпеливо качнул головой и, когда комиссар опустил правую руку на стол, перевернул ее ладонью вверх и быстро ее осмотрел.

Однако, что бы он ни увидел на ней, выражение его взгляда не изменилось. Отпустив руку Гольди, старик поднялся из-за стола и, подойдя к Джей, осмотрел и ее правую руку. Наконец, он повернулся к сидящим и без всяких вступлений принялся говорить:

– История гулов настолько же стара, как и сам мир: гулы существуют столько же, сколько и человек, – они всегда жили, прячась среди людей. Однако и люди знали о гулах – древние арамейцы, шумеры, индусы и египтяне, все они знали о сынах Аримана¹...

– Аримана? – с недоумением повторил Гольди.

– Дьявол, – пояснил Аз Гохар. – В вашем понимании это Дьявол, комиссар. Гулы – это дети Бога Тьмы, его народ, созданный им в отместку Богу Света, Ормазде... Древние индусы называли их бутами; шумеры, а вслед за ними и египтяне, – сэтами. В Европе о них тоже знали, но, не понимая их истинной сущности, путали с ограми²...

– Подождите, синьор Аз Гохар, – осторожно перебил старика Гольди, – давайте не будем вдаваться в историю названий этих существ. Я хотел бы узнать о способностях гулов, о том, как они появляются, как их можно убить... – что-нибудь в этом роде, понимаете?

Старик поднял руку:

– Я лишь пытаюсь объяснить всё доступно!

– Прекрасно! Но перечисление имен этих существ нам вряд ли поможет?

Аз Гохар вздохнул:

– Хорошо. Я попытаюсь рассказать покороче и не останавливаясь на деталях...

Гольди кивнул.

¹ В маздеизме, религии древних персов, Ариман – Бог Тьмы, противник Бога Света – Ормазды.

² В романо-германском фольклоре злые демоны, пожирающие людей.

– ...Если излагать самую суть, то в мире существует две силы: Света и Тьмы. На протяжении всей истории люди знали о них – в разных религиях они назывались по-разному: Ормазда и Ариман, Озирис и Сэт, Аллах и Эблис – но сущность их во всех религиях оставалась одна: первая сила животворящая, дающая жизнь и любовь; вторая – несущая смерть и сеющая ненависть. Они находятся в извечной борьбе, и у каждой из них есть свои последователи... Изначально Бог Света сильнее, однако темная сила не успокаивается и постоянно пытается перестроить мир, устроить в нем всё на свой лад... Думаю, всем вам известна история сотворения мира?

Увидев качнувшиеся головы Джей Адамс и Гольди, Аз Гохар продолжал:

– В каждой религии она излагается по-своему, но и здесь суть ее остается одна: Бог Света – Ормазда – сотворил человека, слепив его тело и вложив в него душу; однако Бог Тьмы – Ариман – ввел человека в искушение и посеял в его душе зерна греха. С тех пор между Ормаздой и Ариманом идет непрерывная борьба за души людей. Средства Аримана бесчисленны и многих ему удалось привлечь на свою сторону, но он всегда понимал, что, в конечном счете, борьба эта не имеет смысла, потому что все люди – дети Света, – и как бы он ни старался, души их, в конце концов, вернутся к Ормазде. И тогда он решил создать *свой* народ, который изначально принадлежал бы только ему!..

Аз Гохар сделал паузу, поправляя повязку.

– ...По этой причине Ариман и создал гулов. Они заняли особое место в иерархии его слуг, ибо они не дивасы³, которые приходят на Землю искушать души людей, и не «живые покойники», оживленные силой Аримана, без которой они ничего не стоят, потому что лишённые этой силы превращаются в то, чем и являются, – куски мертвой плоти. Гулы – *истинные* сыны Аримана, потому что, единожды прикоснувшись к ним своим дыханием, он оставляет их жить на Земле, и они не нуждаются больше в его покровительстве... Ариман создал их похожими на людей, для того чтобы последние не могли распознать их, пока они слабы, и уничтожить. Но похожи они на людей только внешне. Так как Тьма изначально слабее Света, Ариман не смог сотворить свой народ сам – ему, словно падалыцику, пришлось использовать то, что создал Ормазда, – тела людей. Гулы рождаются на костях умерших и делают это втайне от света – в земле. Создавая гулов, Ариман надеялся сотворить народ, противный человеческому роду, но его постигла неудача – он не смог вдохнуть в гулов души – они не способны ни на что, кроме простого существования. Гулы не могут творить и любить, свет в их душах занимает тьма, а вместо любви они ощущают холодную ненависть. Жизнь их лишь жалкое подобие жизни людей; а сами они злая пародия на человека, к которому они чувствуют злобу... Поняв, что его народ не сможет равняться сынам Ормазды, Ариман решил дать гулам то, чего не дал своим детям Бог Света, – вечную жизнь на земле. Однако Ормазда отнял у них эту способность и сделал так, что они все-таки умирают, хотя и способны жить тысячи лет. Создав свой народ, Ариман хотел заселить гулами землю, вытеснив с нее всех людей, но Ормазда и здесь помешал ему: он дал человечеству знания о гулах и защищает его через своих воинов – кахмаров и тахши.

На какое-то время Аз Гохар замолчал. Воспользовавшись паузой, Гольди сказал:

– Вы уже упоминали эти названия и, насколько я понял, один из этих воинов – вы?

Старик молча кивнул. Глядя на него, Гольди нервно поежился – еще сутки назад он бы рассмеялся тому, что кто-то называет себя «воином Света», – но сейчас ему было не до смеха, потому что он *видел*, что сделали эти твари в Террено.

– Вы говорите, что на протяжении трех тысяч лет ваш род борется с гулами, – протянул комиссар. – Но, по вашим словам, гулы существовали и раньше. Значит ли это, что история вашего рода насчитывает больше трех тысяч лет?

³ В маздеизме собирательное название слуг Дьявола – демонов, духов и пр.

– Нет, род Аз Гохар ведет свое начало от деда тахши Аб Нусира, родившегося три тысячи лет назад.

– Значит, раньше воинов Света не было?

– Нет, они существовали всегда... Воины Света существуют столько же, сколько и гулы, – Бог Света выделил их среди своих детей и наделил знаниями, чтобы они могли защищать других людей. До нас с детьми Аримана боролись воины-предтечи, и сражение это продолжалось веками. Однако три тысячи лет назад последний воин из рода Язатасов⁴ погиб, но перед смертью успел передать знания о гулах вождю небольшого племени ариев, жившему на западе Персии. Вождь этот носил имя Азза Мулла Аз Гохар, и именно он стал прародителем нашего рода и дедом великого тахши Аб Нусира!

Короткое время после того, как Аз Гохар замолчал, Гольди снова раздумывал. Всё сказанное стариком походило на миф или красивую сказку, в которую сам он, похоже, верил как в несомненную правду. Однако сейчас им нужна была конкретная информация, а не предания, перешедшие к Аз Гохару от его предков.

Повернув голову, комиссар посмотрел на Андрея – тот разглядывал через телескоп раскинувшийся внизу город, – скользнул взглядом по лицам Джей Адамс и Паолы, глядящим на старика, и сказал:

– Синьор Аз Гохар, и все-таки мне хотелось бы услышать конкретные сведения о гулах: как они рождаются, каким образом устроены, каковы их способности, можно ли их убить и, если да, то как именно! Ведь вы предлагаете нам бороться с ними, а значит, нам нужно знать это. Вы согласны со мной?

Он замолчал, наклонившись над столиком.

Какую-то пару секунд старик не мигая смотрел на него, затем осторожно потер плечо возле раны и молча кивнул...

* * *

Оставив позади холл с гостиной, Франческо прошел по веранде, спустился с крыльца и отправился к гаражу, расположенному в двадцати метрах от виллы, за стеной эвкалиптов...

Пока он шел мимо дома, его не отпускала та мысль, что появилась у него минуту назад, когда он сидел внутри холла и готовился спустить курок пистолета: он должен отомстить тем, кто убил его дочь и жену, заставив его самого страдать и заглянуть в глаза смерти, – у него просто нет выбора: он обязан сделать это, даже если в результате погибнет. И он понимал, что сделает это, потому что решение об этом он принял уже тогда, когда мысль эта только обозначилась в его голове: Мальда и Нанда скончались от газа, который пустили два самолета, пролетевшие над Террено, а сидели в них те же твари, которых он видел в заброшенном монастыре, где погибли Армандо и все его люди, а позднее – в грузовиках, принадлежащих расстрелянным карабинерам. Теперь – через час после происшедшего в монастыре – он знал название этих тварей и то, что их можно убить. Об этом в машине комиссара говорил тот старик – его слова отпечатались в подсознании Франческо, как на хорошей кассете. А если их можно убить, то он сделает это – пойдет и убьет столько тварей, сколько сумеет. И остановить его сможет лишь собственная смерть...

Оставив позади угол виллы, Франческо оказался на дорожке, идущей в глубину сада, и двинулся между клумбами синих дельфиниумов.

...Следующей мыслью, сверлившей сознание, было: как он поступит с Гольди и стариком? Он пообещал, что вернется и убьет их обоих, если его жена и дочь окажутся мертвыми. Когда он говорил это, он был на взводе и не верил, что Мальда и Фернандина погибли. Но

⁴ В маздеизме язатасы – собирательное название воинов света.

теперь это, казавшееся неправдоподобным, предположение осуществилось, и как же быть с комиссаром и стариком?.. Идя к гаражу, Франческо понимал, что пока ему не до этих людей – он не станет ездить по городу и искать их среди мертвецов. Не исключено, что они уже покинули долину; но даже если бы он и знал, что они еще в городе, то не стал бы тратить время на поиски, потому что сейчас у него более важная задача: уничтожить тех, кто убил его дочь и жену. Возможно, начав убивать гулов, он погибнет и сам, а значит, его обещание будет некому выполнить... Губы Франческо скривила гримаса: ну, что ж, значит, оно так и останется неисполненным...

Через четверть минуты он оказался у гаража. Большое строение меньше всего походило на обычный гараж – скорее, оно напоминало самолетный ангар: рассчитанное на пять представительских лимузинов, имело соответствующее число ворот и достигало двадцати метров в длину... Приблизившись к центральному боксу, Франческо нажал кнопку, открывающую дверь. Хотя внешнее напряжение было отключено, поднимающий механизм все-таки сработал: где-то в глубине гаража щелкнуло реле аварийного генератора, и металлическая плита плавно двинулась вверх.

Не дожидаясь, пока она поднимется окончательно, Франческо нырнул под плиту и оказался внутри гаража. Внутренние стены в помещении отсутствовали, поэтому из любой точки гараж просматривался полностью. Сейчас в нем не было никого из людей, а из машин находились только представительский «вольво» и спортивная «альфа», принадлежащая Мальде... На мгновение он задержал взгляд на скошенном капоте ярко-красной машины, ощутил, как болезненно сжалось в груди, и, оторвав взгляд от кабриолета, двинулся к ремонтному стенду...

Через короткое время, оставив позади смотровую яму, Франческо оказался в задней части гаража, где располагалась небольшая комната, изолированная от остального помещения, – здесь находились инструменты и то, за чем он и пришел в этот гараж. Франческо открыл дверь и увидел тесное помещение размером три на четыре. По стенам комнаты тянулись металлические полки с инструментами и запасными деталями, на полу также стояли какие-то ящики, в дальнем углу виднелась пара канистр.

Шагнув от порога, Франческо пересек комнату, освещенную падающим в окно уличным светом, и остановился возле канистр. Две двадцатилитровые емкости с бензином всегда находились в гараже в качестве своеобразного «НЗ» – с горючим в Террено никогда не возникало проблем, но «...иметь в запасе сорок литров бензина никогда не мешает,» – часто говорил его личный водитель. Сейчас Франческо мысленно поблагодарил своего мертвого водителя за то, что послушал его и позволил иметь бензин в гараже. Склонившись к канистрам, он попробовал их на вес: одна из них оказалась полной, вторая была заполнена на три четверти.

Взяв в руки канистры, Франческо не без труда оторвал их от пола и, выйдя из комнаты, направился к дверям гаража. Через короткое время он вышел на улицу и отправился к дому...

* * *

Какое-то время Аз Гохар не мигая смотрел на синеющие на севере купола Мертвых Холмов, наконец, перевел взгляд на Гольди и принялся объяснять:

– Я уже говорил вам, что гулы рождаются в земле. Для своего рождения они используют тела мертвецов – на кости давно уже сгнивших покойников нарастает плоть, похожая на сухой парафин. Обычно земля способна родить одного гула за раз – дьявольская плоть обволакивает кости мертвеца, восстанавливая форму сгнившего тела, – в результате, гул получает облик умершего человека... По времени это занимает не более нескольких дней. Когда же рождение завершается, гул делает попытку выбраться из земли, и здесь существует два варианта. Если покойник был похоронен неглубоко, гул может выбраться из земли сам; если же могила слишком глубокая и у него не хватает сил вылезти из нее, он может использовать помощь людей.

Слушавший старика Гольди нахмурился.

– Помощь людей? Что вы имеете в виду?

– Это врожденная способность гулов – они могут посылать людям мысленные приказы, – пояснил Аз Гохар. – Правда, не все люди им подчиняются – лишь каждый десятый способен «услышать» зов гула, – однако всегда найдутся такие, кто выполнит его приказание. Если гул не может выбраться из земли сам, он начинает «звать» – в результате первый же человек, подверженный влиянию этого существа и оказавшийся поблизости от могилы, «услышав» голос, приказывающий ему взять лопату, разрыть могилу и раскидать кости покойника, сделает это. Однако как только он раскопает могилу, гул убьет его и закопает на свое место.

– Зачем?

– Это инстинкт гулов – больше всего на свете они боятся одиночества, так что сразу же после рождения пытаются найти других гулов. Убив и закопав человека на место своего рождения, гул надеется, что земля родит еще одного гула. Однако в девяноста девяти случаях из ста этого не происходит – земля слишком «слаба» и редко рождает больше одного гула за раз...

Комиссар машинально нахмурился, перебив старика:

– Постойте-ка! Вы говорите, что гулы рождаются на костях давно сгнивших покойников и только по одному, – его брови двинулись к переносице. – Но, по-моему, то, что происходит в Террено сейчас, не соответствует вашим словам... Сегодня ночью я со своими помощниками раскопал на Чимитеро Нуово могилы с четырьмя мертвецами. Так вот, мы не нашли в могилах костей – только мясо и внутренности, – а ведь всех четверых похоронили два дня назад! Как это понимать?

– То, что происходит в Террено сейчас, происходит раз в тысячу лет, комиссар, и мой род существует как раз для того, чтобы подобное происходило еще реже! – ответил старик. – Раз в тысячу лет Бог Тьмы приходит на помощь своему народу: в мире всегда живет несколько Вассахов одновременно – они прячутся среди людей в ожидании своего часа. Ариман выбирает того, который способен повести за собой его детей, и наделяет землю в том месте, где он живет, способностью за короткое время родить тысячи гулов. И в этом случае всё перестает быть обычным: гулы начинают рождаться на костях не только сгнивших покойников, но и на костях недавно умерших людей – дьявольская плоть нарастает на кости прямо под мясо, разрывая его изнутри; причем, занимает всё это не дни, а считанные часы... Когда гулы начинают рождаться, Вассах лично находит первых из них, дает им необходимые знания, и они начинают «охоту»: наученные Вассахом, ищут взрослых людей, убивают их и закапывают в том месте, где родились. Через короткое время из этих покойников рождаются новые гулы, «старые» выкапывают их, прячут от людей и дают нужные знания; а вскоре уже и эти гулы способны убивать людей и «рождать» новых гулов...

Слушая старика, Гольди всё более напрягался, сравнивая его слова с тем, что последние две недели происходило в Террено, и всё больше убеждаясь в том, что слова Аз Гохар похожи на правду. Семнадцать бродяг – все в возрасте тридцати-сорока лет – были убиты светловолосым гулом, и двенадцать из них по приказу Плацци-Вассаха закопаны на Чимитеро Нуово. Через сутки их выкопали три гула, укравшие жену зрителя кладбища, а значит, теперь это двенадцать новых гулов, по своему виду не отличающихся от людей, но по своей истинной сущности...

Гольди нахмурился, пораженный пришедшей ему на ум мыслью, – он вдруг подумал о дюжине пропавших за последний месяц терренцах, и у него возникла странная убежденность, что и это дело рук гулов.

– Значит, Ариман выбрал Террено местом рождения своего народа, – медленно произнес он, не удивляясь тому, что сейчас говорит.

Старик подтвердил:

– Это так!

– Ладно, с этим мы разберемся позднее. А сейчас, синьор Аз Гохар, продолжите свой рассказ!

На мгновенье скользнув мрачным взглядом по демонологу, продолжающему рассматривать город, Аз Гохар произнес:

– С самого рождения гул идеально копирует человека и непосвященному очень трудно узнать в нем дьявольское создание, однако существуют некоторые признаки, по которым гула можно все-таки отличить от человека. Например, у молодого гула волосы есть только на голове – на теле же они отсутствуют, – у него нет ногтей, сосков и пупка. Не позже, чем через неделю после рождения, всё это появляется, и тогда отличить гула от человека внешне не может никто, кроме тахши. Однако внутренне гулы всегда отличаются от людей: внутри их тел нет никаких органов – вместо них сплошная масса «парафиновой» плоти...

– Подождите, – перебил его Гольди, – вы хотите сказать, что у гулов нет сердца, желудка и...?

– Ничего, – подтвердил Аз Гохар. – Всё это гулу не нужно. Он не дышит, не ест и не пьет!

– Но тогда за счет чего он живет?

– За счет энергии, которую дает ему земля. Пока гул находится на земле, она питает его, как мать, вскармливающая детей, – дает ему силы и возможность жить тысячи лет.

– Это невероятно!

– Но это так: гул берет энергию от земли – так устроено Ариманом... Что же касается способностей гула, то они не менее необычны – родившись, гул получает все их практически сразу же и может использовать в полной мере. Способности эти можно разделить на физические и ментальные – причем, если первые со временем уменьшаются, чтобы сделать гула более похожим на человека, то вторые развиваются, чтобы дать ему тайную власть над людьми.

– Что это за способности?

Задав свой вопрос, комиссар ждал, что услышит ответ моментально, однако на этот раз, перед тем как ответить, Аз Гохар машинально поправил повязку и несколько секунд, морщась, массировал плечо... Про себя Гольди отметил, что, возможно, рана у старика более серьезная, чем они думали; тем временем Аз Гохар протянул:

– Что касается физических способностей гула, то, прежде всего, он идеально имитирует человека. Один из основных инстинктов, заложенных в гуле, – строгое копирование человеческого поведения, и он беспрекословно ему подчиняется: учится сам или его учат этому другие гулы, но через короткое время после рождения уже превосходно копирует человека. Мимика, движения, жесты – всё это гул перенимает у людей, и даже грудная клетка у него поднимается, как при дыхании, хотя он не дышит... Однако есть у гулов и то, что отличает их от людей, – например, они видят в темноте. Если же лишить гула глаз, это не лишит его способности ориентироваться, потому что глаза гула только часть его тела и он способен «чувствовать» телом. Гулы необычайно сильны и не чувствуют боль. Им не страшны механические повреждения – огнестрельные и ножевые ранения не причиняют им никакого вреда; то же самое с небольшими ожогами. Если отрубить гулу голову или конечности, он способен их прирастить, а если отрубленную часть гул не может достать, он будет жить без нее, потому что каждая часть гула – это, по существу, и есть гул. Его нельзя убить также смертельными для людей химикатами или утопить в воде...

Аз Гохар сделал паузу.

– ...И все эти способности сохраняются у гула на протяжении жизни, уменьшается только текучесть его мертвой плоти.

– Текучесть? – нахмурился Гольди. – И что это значит?

– При рождении тело гула похоже на мягкий пластилин, – пояснил Аз Гохар. – В течение нескольких дней после рождения оно необычайно текуче и может меняться – плоть способна

стекать с костей, образуя новые формы... Так как молодой гул действует, следуя инстинктам, подвержен приступам ярости и не способен контролировать себя в той же мере, как старый, он легко выходит из себя. По этой причине в первые дни после рождения гул наиболее опасен – он может менять форму тела и убивает не задумываясь; самого же его убить в это время не просто – даже если рассечь его на куски, эти части срастутся обратно. Со временем эта способность у гула почти исчезает – тело «твердеет», – однако сохраняется другая способность: все нанесенные гулу раны затягиваются и не оставляют на теле следов...

Слушая старика, Гольди автоматически вспоминал показания Пола Кирски, утверждавшего, что этой ночью за ним гнался монстр, которого не останавливали пули; слова Джей о светловолосом типе, сбитом машиной, но не обратившем на это внимания; наконец, то, что он видел сам полчаса назад возле Кальва-Монтанья, – гул, сбитый «ланчей», не обращающий внимания на сломанные колени и стреляющий в них.

– ... Что же касается ментальных способностей гула, то они превосходят физические. При рождении гул ничего не знает о жизни людей и владеет лишь инстинктами выживания и языком гулов. Язык этот столь же древний, как они сами, дан им Ариманом и не меняется тысячелетиями. На нем гулы общаются между собой, однако с людьми говорят на их собственном языке. Когда гул рождается, первоначальные знания о людях он получает от других гулов или же сам способен узнать о жизни людей из их мыслей...

– Эти создания читают человеческие мысли, – прервал его Гольди. – Мы знаем об этом!

– Всё правильно, только здесь есть одна маленькая особенность, комиссар, о которой вам еще не известно: гул в состоянии прочесть не все мысли человека, а только то, о чем тот в данный момент думает. И в этом состоит один из способов защиты: знающий человек может легко защититься от проникновения гула в свой мозг – для этого достаточно думать о чем-то постороннем или же поступить еще проще – начать что-то читать, тогда гул ничего не увидит в сознании человека. Однако незнающий человек может легко оказаться в опасности – встретив гула и думая о чем-то одном, он может по его наводящим вопросам начать вспоминать что-то другое, так что дьявольское существо без труда прочтает все его мысли... Именно таким образом гулы учат язык людей и получают необходимые им знания, причем делают это в считанные часы. Кроме того, гулы могут вызывать у человека неприятные воспоминания, связанные с другими людьми. И чем агрессивнее человек, тем легче гулу заставить его вспомнить что-то плохое о тех, кто находится рядом, ощутить ненависть и подчинить своей воле. В результате такой человек впадает в прострацию и становится способным выполнить любой приказ гула!

– Например, расстрелять своих же приятелей? – понимающе выдохнул Гольди, вспомнив трех мертвецов, найденных этой ночью на «складе».

– Да, неприятные воспоминания, подогреваемые навязанной извне ненавистью, могут привести к тому, что человек убьет оказавшихся рядом людей. Чем моложе гул, тем слабее у него эта способность, и он может действовать только на одного человека. Однако, чем старше гул, тем на большее число людей может влиять, и результат вы уже видели – Вассах Гул уничтожил двести карабинеров одним лишь усилием воли!

Когда Аз Гохар замолчал, под тентом повисла гнетущая тишина: Гольди молча обдумывал услышанное; Джей Адамс с сомнением смотрела на старика; Паола же, движимая одной ей известными мыслями, встала из-за стола и подошла к демонологу... Наконец, проведя мрачным взглядом по склону горы, комиссар произнес:

– Вы сказали, что по внешнему виду невозможно отличить гула от человека. Но если мы собираемся бороться с этими существами, нам нужно научиться это делать – чтобы не спутать гулов с людьми... Неужели не существует надежного способа с одного взгляда узнавать этих тварей?

Старик вновь потер свою руку:

– Вообще-то такие способы есть, но большинство из них нам не подходят... – Увидев нахмурившиеся брови комиссара, он пояснил: – Для того чтобы отличить гула от человека, к нему надо приблизиться на короткое расстояние. Тогда, если это молодой гул, его можно будет узнать по отсутствию ногтей на руках; если же гул старый, то внешне он не будет отличаться от человека, но и его можно узнать, если уметь читать линии рук...

Комиссар машинально напрягся.

– ...Из четырех главных линий⁵ на руке человека у гула есть только две – он не может любить, поэтому не имеет линии сердца; к тому же, изначально он мертв, поэтому линия жизни у него также отсутствует, – пояснил Аз Гохар. – Это печать, наложенная Ормаздой на руки детей Аримана, по которой знающие люди всегда могут их отличить... Правда, в теперешней ситуации этот способ нам не подходит – сейчас любого увиденного человека гулы будут убивать, так что подойти близко к ним не получится. Поэтому остаются только два способа опознать гулов, один из которых отпадает сам по себе. Гулов чуют собаки – по их поведению можно легко узнать адскую тварь, – но Вассах сделал так, чтобы собак в этом городе не осталось!..

Внезапно старик замолчал. Гольди ждал продолжения, но секунды тянулись, а Аз Гохар сидел молча, скорчившись за столом и глядя через парапет на долину...

Когда прошло полминуты, комиссар осторожно сказал:

– Синьор Аз Гохар, вы сказали, что существуют два способа отличить гула от человека, не приближаясь к нему. Один из них отпадает, потому что он связан с собаками, выходит, остается второй. Объясните: в чем суть этого способа?

Аз Гохар снова вздохнул и перевел взгляд на Гольди. Пару секунд еще сидел молча, наконец, протянул:

– Существуют люди, способные «слышать» гулов: они встречаются редко – в среднем, на каждые сто человек лишь один. Впрочем, даже если кто-то и наделяется подобной способностью от рождения, это не значит, что он «слышит» гулов. Для того чтобы начать чувствовать их, человек должен побывать на месте рождения гула в тот момент, когда дьявольское существо уже родилось, но еще находится под землей. Только после того, как подобное произошло, человек начинает «слышать», и это самый верный способ находить детей Аримана – «слышащий» может чувствовать их на большом расстоянии... – Внезапно глаза Аз Гохара стали глухими, словно он заглянул в прошлое. – Среди людей моего рода такие люди ценились всегда – они безошибочно находили гулов и становились тахши, как только достигали возраста, когда могли взять в руки оружие, минуя все испытания!

Выслушав Аз Гохара, Гольди нахмурился:

– Вы обладаете подобной способностью, синьор Аз Гохар?

Старик отрицательно покачал головой.

– А что вы имеете в виду, говоря: «слышать» гула? Какой-то особенный звук?

Аз Гохар вновь качнул головой:

– Нет, здесь отсутствует четкое определение – каждый человек «слышит» гулов по-своему. Чаще это описывают как «шорох» – звук, похожий на шуршание морского прибоя или потрескивание тростника, усиливающий при приближении к гулу и ослабевающий при удалении от него. Однако бывает, что это напоминает неясный «зов», который человек слышит, но не может понять, что это такое, поэтому...

Не договорив предложения, старик замолчал – глядя в лицо комиссара, он вдруг заметил, как на лбу у последнего выступил пот, а зрачки стали темными.

– Комиссар, что с вами? – нахмурился Аз Гохар. – Вы в порядке?..

⁵ На руке каждого человека из множества линий выделяются четыре главные, определяющие основные события его жизни: линии жизни, судьбы, головы и сердца (*хиром.*)

* * *

Выйдя из гаража, Франческо отправился к вилле. Меньше, чем за минуту, дошел до крыльца, поднялся на веранду, пересек холл и оказался у входа в библиотеку, где замер, опустив обе канистры к ногам. Он чувствовал, как стучит его сердце, спина превратилась в гранит, а лицо стало мокрым, но не обращал на это внимания, думая об одном: то, что он собирался проделать, сделать было необходимо, но всё его существо восставало против этого: он должен сжечь дом и находящихся в нем людей – сжечь *Мальду и Фернандину!*..

То, что ему предстоит это сделать, он понял в тот миг, когда убрал палец с крючка пистолета и опустил его вниз. Если он собирается уничтожить тех тварей, что погубили весь город, он прежде должен быть абсолютно уверен, что его дочь и жена не превратятся в тех, кого он собирается убивать. Он помнил слова старика – о том, что для рождения гулам нужны человеческие тела. Он не знал, каким образом из трупов рождаются дьявольские создания, но то, что это возможно, он понял – так же, как то, что мертвые Мальда и Нанда, Рокко и его жена, жена Армандо и его телохранители могут превратиться в гулов, если он оставит их лежать в этом доме. Спрятать полторы дюжины трупов он не мог, как не мог и увезти их отсюда, а значит, у него остается один выход – сжечь их и не дать гулам возможности использовать эти тела. Пускай это ничего не изменит, и гулы смогут использовать тысячи других тел, но его жену и дочь они не получат!..

Еще с минуту он молча стоял, прислонившись плечом к косяку и чувствуя огромное нежелание входить в библиотеку и делать то, что задумал, но сделать это было необходимо.

Наконец, взяв канистру, он шагнул за порог. От двери библиотеки не увидел лежащих за шкафами тел Мальды и Нанды, впрочем, на это он и рассчитывал – сейчас он находился в таком состоянии, что если бы увидел их, то, возможно, не смог бы сделать того, что задумал.

Сделав пару шагов от порога, Франческо остановился возле стены, открыл канистру и перевернул ее горлышком вниз. Горючее хлынуло на пол, заливая тела лежащих людей, попадая им на одежду и руки, в открытые глаза, искаженные ужасом рты...

В течение половины минуты он лил бензин, не обращая внимания на то, что тот попадает на его собственные ботинки. Через короткое время лежащие возле двери трупы пропитались горючим. Франческо не стал проходить за шкафы – он чувствовал, что просто не смог бы выплеснуть бензин на тела своей дочери и жены. Кроме того, он хорошо понимал, что уже вылитого горючего достаточно для того, чтобы всё здесь сгорело – оно пропитало ковер, растекались от двери до противоположной стены...

Когда бензин перестал вытекать, Франческо отбросил канистру, подошел к окну и распахнул его настежь; затем развернулся и, не глядя на мертвые тела, вышел в холл.

Через четверть минуты, наклонив вторую канистру, он начал поливать пол горючим, начав с трех покойников, лежащих посреди холла; потом перешел к мебели. На этот раз он действовал осмотрительней: бензин следовало экономить, чтобы его хватило на большую часть этажа...

За пару минут он обработал холл, примыкающие к нему столовую, бильярдную и коридор. Он старался лить равномерно, но когда вернулся в гостиную, бензина почти не осталось. Остатками он прочертил дорожку через гостиную, но у дверей на веранду горючее кончилось. Остановившись, Франческо встряхнул канистру, но не услышал характерного плеска. Тогда он отшвырнул ее и вышел на улицу.

Спустившись с крыльца, он двинулся по дорожке к будке охранника – Франческо решил, что немного бензина можно найти в стоящих возле нее легковушках...

Через короткое время он оказался у ближайшей машины, открыл водительскую дверцу и щелкнул кнопкой, поднимающей крышку багажника, однако, заглянув в него, не увидел ничего похожего на канистру. Тогда он перешел ко второму автомобилю. Когда крышка багажника

откинулась вверх, Франческо заглянул под нее и на пару мгновений застыл, глядя на то, что находилось в багажнике.

В пластиковой коробке возле запаски лежало оружие: несколько автоматических пистолетов, помповое ружье с пачкой патронов к нему, три гранаты и самое главное – что и заставило его замереть, – ярко-зеленая труба с маркировкой армейского гранатомета на боку; рядом с трубой лежал кожаный подсумок с зарядами.

Протянув руку, Франческо коснулся бока гранатомета. Оружие было немецким, достаточно мощным для того, чтобы разнести вдребезги дом. «Или пару гулов,» – шевельнулось у него в голове.

До сих пор у него не было четкого плана действий. Он знал только одно: он сделает всё, чтобы уничтожить как можно больше тварей, убивших его дочь и жену. Подспудно он понимал, что ему не обойтись без оружия, но пока не знал точно, где его возьмет. На его вилле оружия не было – он никогда не держал его, чтобы не дать властям повода прицепиться к нему, – вооружены были только охранники, имевшие официальные лицензии на ношение пистолетов. Франческо понимал, что оружие охранников для него бесполезно – ведь пули на гулов не действуют. Он знал пару мест, где Доминик и Армандо хранили серьезные «игрушки», но одно из них находилось возле Кальва-Монтанья, а другое – недалеко от Мертвых Холмов. Он думал, что в случае необходимости съездит к Холмам и возьмет что-нибудь из запасов Эрбы, но теперь, глядя на гранатомет, решил, что ехать туда не придется – эта штука способна разнести на куски любого монстра.

Еще какое-то время Франческо стоял неподвижно, а потом перевел взгляд вправо от ящика – между ним и стенкой багажника находилась пластиковая бутылка. Он медленно протянул руку, открутил крышку бутылки и почувствовал запах бензина. Вытащив бутылку наружу, повернулся и снова отправился к дому...

Пяти литров горючего ему хватило на то, чтобы обработать треть кухни, гостиную и лестницу, ведущую на верхний этаж. Оказавшись на веранде, Франческо обрызгал стены и стол, вышел на крыльцо, спустился на землю и отправился к воротам, держа бутылку горлышком вниз и оставляя за собой дорожку бензина.

Он отошел от дома метров на двадцать, когда горючее кончилось. Остановившись, Франческо бросил бутылку, повернулся к дому и с минуту смотрел на него...

Он глядел на дом, в который когда-то ввел Мальду и в котором родилась Фернандина. Здесь он испытал величайшие радость и горе. Когда-то он думал, что этот дом заменит ему потерянную Америку, что он обретет здесь семью. И до сегодняшнего утра так и было: десять лет он просыпался в этом доме, зная, что рядом с ним его дочь и жена. Отсюда он руководил своим делом, и всё в его жизни было устоявшимся, не предвещающим никаких перемен. Он думал, что доживет здесь до старости и успеет понынчиться с внуками. Теперь же этот дом стал терновым шипом, который ему ни за что не вырвать из памяти – даже, если ему суждено пережить этот день. Он знал, что если не погибнет сегодня, то уже никогда не сможет вернуться сюда – не только к этому дому, но и в Террено. Потому что отныне этот город проклят!

Франческо вытащил из кармана спичечный коробок.

В тот момент, когда его пальцы выудили из него спичку, он ощутил страшную горечь, представив, что через секунду своими руками уничтожит то, что строил всю жизнь, вычеркнет из бытия тех, кого любил, и что же ему останется?.. На мгновение захотелось просто уехать отсюда. Ведь не могут же гулы использовать все трупы в городе, все восемьдесят тысяч? Может быть, этот дом они обойдут стороной, и когда всё закончится, он вернется сюда и похоронит дочь и жену как полагается, по обычаю...

Какое-то время он стоял на дорожке, стиснув зубы и готовый поддаться этому желанию; но другая мысль поднималась из глубин подсознания и обжигала огнем: если есть шанс, что

находящиеся в доме покойники превратятся в гулов, пусть даже малейший, он должен уничтожить его!

Медленно приподняв руку, Франческо чиркнул спичкой об коробок. Маленький огонек взметнулся вверх, проглотив дерево, словно демон ада – душу покойника. Секунду Франческо был похож на каменное изваяние – глядя на дом, в котором лежали Мальда и Нанда, он словно губка старался впитать и запечатлеть те эмоции, которые появились в нем в тот момент, когда он шагнул из холла в библиотеку, и владела сейчас, – это было необходимо ему словно воздух...

Наконец, разжав пальцы, он позволил горящему огоньку соскользнуть вниз, развернулся и отправился к воротам – огненная «змея» метнулась за его спиной по крыльцу и через секунду ворвалась в дом.

Франческо не видел, как, выбив стекла, языки пламени взметнулись по стенам и огненными лианами соединились над крышей – он слышал только хлопок. Прикусив губы и не оглядываясь назад, Франческо Борзо шел по дорожке к воротам, где его ждали машины...

Глава тридцать четвертая

Мгновение тишину под навесом нарушало лишь хлопанье тента, натягиваемого порывистым ветром. Глядя в лицо старика, комиссар чувствовал поднимающийся по позвоночнику легкий озноб – помимо собственной воли слова Аз Гохара заставили его вспомнить два эпизода последних суток. Первый – их вечернюю поездку на кладбище; второй – ночное стояние у окна. На первый взгляд, ничего общего между ними не было, однако он отчетливо помнил, что в обоих случаях его поражало странное чувство, возникавшее у него при взгляде на темноту, что она есть нечто живое, способное думать и действовать. Гольди помнил свое ощущение, появившееся у него на кладбище, – смутный страх от мысли о том, что черная пелена над могилами хранит в себе что-то древнее, способное отомстить нарушившим его вековой покой людям. Четыре часа спустя, когда он находился у себя дома и смотрел на улицу за окном, страха не было, но было тоскливое чувство, похожее на отчаяние, к тому же в этот раз ему показалось, что он слышит *зов*, идущий со стороны Кальва-Монтанья. Сегодня утром он готов был приписать этот «зов» своему полусонному состоянию, но теперь понимал, что это не так – слова старика расставили всё по местам...

В этот миг Джей взяла риччарелло и вытащила из пачки пару миндальных кружков. Хруст бумажной обертки разорвал тишину под навесом – Аз Гохар двинулся над столом:

– Комиссар, вы в порядке?

Сцепив пальцы в замок, Гольди кивнул. Старик хотел спросить что-то еще, но не успел это сделать – внезапно от парапета раздалось:

– Взгляните сюда!

Джей Адамс и Аз Гохар, сидевшие лицами к городу, посмотрели в долину; комиссар повернул голову и заметил, как на севере города взметнулся вверх язык пламени.

– Похоже на взрыв! – объявил демонолог. Через секунду поймал пламя в объектив телескопа и добавил: – Загорелся какой-то дом!

Комиссар встал со стула и шагнул к парапету; Джей Адамс сделала то же.

Взяв бинокль, Гольди навел его на Террено и через пару секунд разглядел подрагивающий язычок пламени, поднимающийся над массивом деревьев. Как он и думал, это была северная окраина города – его «аристократический» район. «Возможно, на одной из вилл взорвалась газовая установка, – пронеслось в голове комиссара, – сейчас, когда люди мертвы, в городе царит стихия...»

Не опуская бинокль, он сказал:

– Наверное, загорелось на одной из вилл – похоже на газ!

Демонолог качнул головой:

– Да, скорее всего. Сейчас по всему городу полыхают машины, а в восточном районе горит пара домов... – Сделав секундную паузу, он с тревогой добавил: – Правда, есть здесь кое-что странное: за последние пять минут несколько пожаров погасли – словно сами собой!

Комиссар посмотрел на него, словно желая ответить, но его опередил Аз Гохар:

– Это дело рук гулов. Это *они* тушат пожары, чтобы огонь не распространился по городу – он нужен им целым, пока они не осуществили свой план!

Старик взял с подноса глазированный пончик и колу и подошел к парапету. Поставив банку на парাপет, произнес:

– Сосредоточьтесь на южной окраине города, синьор Белов, – там расположены кладбища и, скорее всего, гулы начнут действовать именно там!

Демонолог нахмурился, но ничего не сказал; старик же откусил от пончика и оглядел город.

Пару секунд Гольди разглядывал лицо Аз Гохара – в профиль оно напомнило ему лицо средневекового воина-мавра.

– Синьор Аз Гохар, мы немного отвлеклись от нашего разговора, но его необходимо продолжить. Ведь вы рассказали не всё?

Не поворачивая головы, Аз Гохар молча кивнул.

– Теперь бы мне хотелось узнать, чего боятся эти создания. Вы уже говорили, что гула можно убить. Объясните: как именно?

Какое-то время старик был занят пережевыванием пончика, наконец, сделал глоток и сказал:

– Насчет первой части вашего вопроса, комиссар... Вы хотите узнать, что действует на гулов?

– Да! Вы сказали, что против них бесполезно огнестрельное и холодное оружие, яд и вода – всё то, что убивает людей. В таком случае, чем можно бороться с гулами? Может быть...

– Гольди помедлил, словно не хотел задавать этот вопрос, но все-таки задал: – Может быть, какими-то религиозными средствами?

Повернув голову, старик внимательно посмотрел на него.

– Религиозными средствами? Что вы имеете в виду, комиссар?

Глядя на старика, Гольди снова помедлил – на миг ему показалось, что в глазах Аз Гохара мелькнула усмешка, – но все-таки выдавил:

– Крест, святая вода, Библия... Я плохо знаком со святынями ислама – думаю, в этом вы разбираетесь лучше меня, – но может быть, Коран или хадисы сунны... – Он вдруг запнулся, поняв, что звучит всё это как-то нелепо. – Я и сам в это, конечно, не верю, но если исходить из фильмов и книг, то все эти дьявольские существа – вампиры, демоны, духи, – боятся всего этого, вот я и подумал, что на них могут действовать религиозные символы!

Договорив предложение, он замолчал. Старик же качнул головой:

– Похоже, вы всё еще не понимаете ситуации, комиссар. Всё упомянутое вами далеко от действительности. Как вы сказали, вампиры и демоны – лишь персонажи фильмов и книг, их истинная сущность давно искажена и не имеет отношения к реальности; гулы же вполне реальные существа... Что же касается религиозных святынь, то они настолько же соотносятся с действительностью, насколько искажены реальные сущности демонов и вампиров. Библия и Коран не могут действовать на гулов по простейшей причине – они лишь символы современных религий. Гулы существуют столько же, сколько и мир, христианство – последние две тысячи лет, ислам – и того меньше. Это всего лишь очередные религии, развившиеся из предшествующих им, пройдет какое-то время и они сменятся более развитыми, поэтому надеяться на то, что их символы будут действовать на существ в тысячи раз более древних, чем они сами, – по меньшей мере, глупо!

Гольди нахмурился – с последними словами Аз Гохара он согласиться не мог, – но понимая, что сейчас не время для споров, сказал:

– Хорошо, давайте не будем вдаваться в религиозные диспуты. Но если вы говорите, что современные святыни на гулов не действуют, то вопрос от этого не исчезает: *что* в таком случае действует на них?

Глядя в глаза комиссара, старик протянул:

– Гулы – это реальные существа, живущие в этом мире, но своей природой противопоставленные людям, – и то, что во благо человеку, ненавистно гулу! Поэтому больше всего они боятся того, что Ормазда дал своим детям; того, что сопровождало человечество на протяжении всей истории и помогало ему!

Гольди недоуменно нахмурился, и Аз Гохар пояснил:

– Огонь... Больше всего они боятся огня, комиссар, потому что он – друг человека и враг гулов!..

* * *

Проехав дюжину переулков, ведущих от его дома к центру Террено, Франческо оказался в квартале от площади, расположенной в восточном районе города и известной среди терренцев как Пьяццале де' Торре⁶. Название свое она получила из-за находящегося на ней Музея Естествознания, расположенного в здании старой ратуши, – высота башни последней достигала двадцати метров, и, пожалуй, в Террено это было одно из самых высоких строений.

Подъехав к проулку, ведущему к площади, Франческо остановил «хонду» в пяти метрах от угла крайнего дома, заглушил двигатель и какое-то время сидел неподвижно, глядя на улицу... За последние полчаса он видел достаточно трупов, но настораживали его не сами покойники, усеивающие улицы с пугающей частотой, а те, кто по ним мог передвигаться, – оказаться ими могли случайно выжившие горожане, но с еще большей вероятностью это могли быть гулы...

С минуту Франческо оглядывал переулок, но не заметил в нем никакого движения – в двадцати метрах от «хонды» на мостовой лежало пятеро мертвецов: их руки и ноги, переплетенные в замысловатую комбинацию, создавали иллюзию, что это не люди, а кегли, рассыпанные ударом сумасшедшего игрока, – однако, кроме этих покойников, глазу остановиться было не на чем... Еще какое-то время Франческо осматривал улицу, после чего распахнул дверь машины и выбрался на дорогу.

Ширина переулка в этом месте не превышала четырех метров; стены домов вздымались по обе стороны от него и смыкались вверх, оставляя между крышами узкую полосу, сквозь которую видны были свинцовые облака... Внезапно Франческо осознал то, на что не обращал внимания раньше: погода за последний час резко ухудшилась – стало заметней прохладней, – в узком же переулке, куда не проникали лучи, холодный воздух словно сгущался... Чувствуя, как по спине побежали мурашки, Франческо поежился и открыл заднюю дверь.

На заднем сидении «хонды» лежало то, что он взял из багажника оставшейся у его виллы машины, – теперь это были последние вещи, связывавшие его с миром живых. Протянув руку, Франческо поднял с сидения небольшую дорожную сумку, раскрыл ее и принялся экипироваться.

Первым делом он выудил из сумки «беретту» с разрывными патронами и сунул пистолет за ремень. Горсть запасных патронов он бросил в карман, опустил сумку к ногам и достал из машины подсумок с зарядами. Продев ремень через голову, укрепил его на правом плече, застегнул вокруг пояса кожаный ремешок и прикрепил его к подсумку с зарядами – теперь тот был надежно закреплен на левом бедре... Склонившись к открытой двери, Франческо обеими руками взял лежащий на сидении гранатомет и вытащил его из машины – восьмидесятисантиметровая труба была не очень тяжелой и весила не более пяти килограмм. Развернув крепящий ремень, Франческо продел его через голову и закрепил на левом плече. Закинув гранатомет за спину, подтянул фалды ремня – так, чтобы труба плотно прилегала к спине, – взял лежащую на мостовой сумку и отправился к площади...

План, которого решил придерживаться Франческо, был прост: для начала ему необходимо узнать, что происходит в Террено. С башни Музея Естествознания просматриваются четыре пятых «старого» города: Пьяцца дель Фуоко с расположенным на ней комиссариатом, улицы восточного района и порт, Вилладжо-Верде, шоссе на Мортелло-Коллине и даже Чимитеро ди Джовани. Если ему удастся забраться на башню, он сможет увидеть весь город и понять, что делают гулы. Только после этого он сможет предпринять что-то сам. Идеальным для него вари-

⁶ Piazzale de' Torre – Башенная Площадь (*итал.*)

антом было бы захватить одиночного гула, чтобы разузнать об этих тварях побольше; впрочем, сгодится и их небольшое скопление – пара зарядов разнесет гулов в клочья...

Отойдя от машины, Франческо быстро дошел до угла дома, стоящего на пересечении улочки с небольшим переулком, идущим к Пьяццале де' Торре; остановившись, выглянул из-за него и увидел привычную уже картину: между домами лежали покойники, никакого движения в переулке не наблюдалось. Обогнув угол дома, Франческо быстрым шагом двинулся к площади, приглядываясь к чернеющим проемам дверей и думая о том, что его ждет впереди.

...Музей Естествознания он выбрал не случайно. Кроме того, что это было одно из самых высоких зданий в Террено, оно было самым удобным для его целей по простейшей причине: на крыше башни располагалась смотровая площадка. Туристы, навещающие в Террено, всегда посещали Музей Естествознания перед осмотром других достопримечательностей. Экспонаты Музея располагались на первом этаже ратуши, башня находилась над задним приделом, так что после обхода Музея туристы забирались на нее, чтобы осмотреть город... Две недели назад башню закрыли на ремонт, из-за чего туристов возили теперь на Кальва-Монтанья, однако вход в нее оставался открытым, так как ремонтные работы там велись постоянно. По этой причине Франческо и решил, что без труда проникнет на башню, чего не мог предположить о других высотных строениях, имевшихся в городе...

В этот момент, пройдя половину проулка, он поравнялся с трупом пожилой женщины, замершим на правой стороне улочки: тучное тело покойницы лежало на спине, вокруг него были разбросаны красные яблоки, возле ног валялась перевернутая корзина... На Франческо эта картина действовала угнетающе, напомнив вид рождественской индейки, которую когда-то готовила его мать.

Он прошел мимо трупа и оказался у лежащего поперек переулка мотоцикла – из-под опрокинувшейся машины выглядывало тело паренька в гоночном шлеме. Скользя взглядом по мотоциклисту, Франческо посмотрел вперед – в тридцати метрах от него серые камни мостовой сменялись рыжими кирпичами, покрывающими Пьяццале де' Торре; с правой стороны от пересечения площади и переулка располагался гриль-бар, с левой – Музей Естествознания.

Остановившись, Франческо еще раз оглядел проулок и площадь – теперь ему нужно было быть намного внимательнее – не исключено было, что на ней могли находиться гулы... Осмотрев узкий проход между домами и не заметив в нем ничего, кроме трупов, он двинулся к башне, шпиль которой, словно указующий перст, возносился над домами... Через двадцать секунд Франческо оказался в пяти метрах от Музея Естествознания и увидел придел, над которым высилась башня, – металлическая дверь его была приоткрыта, перед ней в рабочей тележке лежала упаковка облицовочной плитки, возле тележки скорчился человек в комбинезоне строителя.

Франческо нахмурился. Несмотря на прохладный ветер, дующий между домами, он ощутил вдруг нестерпимое желание пить и, подавляя другое желание – быстрее нырнуть в черноту башни, – двинулся к террасе гриль-бара, расположенного напротив Музея Естествознания... Через короткое время он уже вошел под навес, скользнул меж столов и оказался у стойки, расположенной в глубине бара. Взгляд его упал на прилавок и остановился на стеклянной коробке рефрижератора с банками лимонада внутри.

Нагнувшись над прилавком Франческо открыл крышку рефрижератора. С внутренней стороны на ней уже успела сконденсироваться влага, что подтвердило его догадку о том, что энергия была отключена не только в районе его дома, но и по всему городу... Вытащив из рефрижератора пару лимонадных «жестянок» и бутылку минеральной воды, Франческо сунул их в сумку, окинул взглядом мертвого продавца, скорчившегося возле жаровни, парочку посетителей, замерших между столами, и, выйдя из-под навеса, отправился к ратуше.

Три секунды спустя он вошел в задний придел, пересек темный зал, поднялся по лестнице и очутился в круглой ротонде, являвшейся основанием башни, – отсюда начиналась винтовая лестница, прорезающая башню по всей ее высоте и оканчивающаяся под крышей. Держа в левой руке сумку с бутылками, а правую удерживая возле пояса с пистолетом, Франческо прошел мимо бака с цементом и принялся подниматься по лестнице...

Через минуту он оказался на круглой площадке, расположенной под крышей башни. Двенадцать овальных колонн поддерживали свод крыши, оставляя между собой метровые прорезы, достаточные для того, чтобы обозревать город. Площадка была абсолютно пуста, за исключением пары стульев, стоящих у лестницы. Подойдя к одной из колонн, Франческо бросил взгляд на восток и увидел белоснежную коробку речного порта. Мгновение мрачно смотрел на ленту реки, изгибающуюся к юго-западу и теряющуюся на горизонте, затем расстегнул сумку, вытащил из нее подзорную трубу и направил прибор на раскинувшийся внизу город...

* * *

Облокотившись о парапет, Аз Гохар говорил громко – так, что каждое его слово разносилось над площадкой, отскакивая от стен бара и затихая в кустах:

– ...Как я уже объяснял, решив создать свой народ, Ариман надеялся сделать его бессмертным, но Ормазда не мог допустить, чтобы в сотворенном им мире жили бессмертные существа без души, поэтому отнял у гулов бессмертие и наложил на них свою «печать» – в результате, они стали полностью отличаться от людей, ибо даже ход их жизни противоположен человеческому. Человек рождается в утробе матери, растет, стареет и в положенный час уходит из мира; жизнь гула проходит в обратном порядке – он рождается на костях умершего человека и при рождении получает возраст покойника. Благодаря Ариману он может жить тысячи лет, но все-таки и у него есть предел – как бы долго ни жил гул, тело его постепенно изнашивается, и с течением времени он «молодеет»: под действием дьявольской плоти сжимаются кости, сама плоть усыхает, и, в конце концов, гул превращается в ребенка. И если тахши так и не убивают его, в конце жизни гул возвращается туда, откуда пришел – выдохшаяся плоть слезает с костей и уходит в землю.

Когда старик замолчал, Гольди нахмурился:

– Вы имеете в виду, что гул живет как бы из будущего в прошлое?

– Внешне это похоже, – кивнул Аз Гохар. – Человек в течение жизни превращается из ребенка в старика; гул проходит обратный путь. Хотя живет он, конечно, в том же времени, что и мы!

– Значит, у гулов есть естественный срок жизни, – заключил комиссар. – Но судя по вашим словам, захватившие Террено создания вряд ли умрут в ближайшее время – они достаточно молоды. Значит, нам нужно знать способы, какими их можно убить... Вы уже упомянули огонь, синьор Аз Гохар. А как *еще* можно уничтожить этих существ?

– В нашем случае только огнем.

– Но какие-то другие способы есть?

– Да, но нам они не подходят, – повторил Аз Гохар. – Гулов можно убить морской водой – попав в нее, они растворяются за несколько часов; такое же действие на них оказывает сильная кислота. Но в Террено нет ни того, ни другого.

– А речная вода? – Комиссар кивнул на синеющую на востоке Олону.

– Нет, на них действует только морская.

– А еще? Есть *еще* какие-нибудь способы?

Ничего не ответив, старик обернулся к долине и мгновение смотрел на раскинувшийся внизу город – словно лично хотел убедиться, что в Террено пока ничего не происходит, – наконец произнес:

– Существует еще один способ, комиссар, но он не подходит нам еще больше, потому что у нас нет ни достаточных сил, ни времени применить его.

– Что это за способ?

– Построить арп.

– Что?

– «Шумерскую гробницу», – пояснил Аз Гохар. Видя, что Гольди не понимает его, протянул: – Попросту говоря, пирамиду. Вы ведь знаете о египетских пирамидах?

– Конечно!

Старик кивнул:

– Такая пирамида, направленная гранями по сторонам света, и называется арпом. Ее сила известна с давних времен – древние воины Язатасы, сражавшиеся с гулами, на протяжении тысячелетий хоронили людей своего рода в арпах, потому что положенный в него труп не может превратиться в гула. Кроме того, гулы не могут родиться и жить вблизи арпа – и чем он больше, тем большее расстояние от арпа безопасно для человека...

Видя сомнение, отразившееся на лице комиссара, Аз Гохар продолжал:

– ...Так как Язатасы странствовали по всем странам Азии и Европы, то приносили свои знания с собой. В результате, правители многих стран строили арпы, чтобы быть похороненными в них, и свидетельство тому – древние арпы, сохранившиеся по всему миру: кроме Египта, они есть в Азии – Индии и Китае.

– Подождите, – вздохнул комиссар, – вы хотите сказать, что фараоны Египта строили пирамиды лишь для того, чтобы не превратиться в гулов?

– Это была одна из причин!

Какое-то время комиссар смотрел на старика с недоверием – уж слишком его последние слова походили на миф и не было ни малейшей возможности проверить их истинность, – потом перевел взгляд на Джей. Последние пять минут та не отрываясь глядела на Аз Гохара, слушая его рассказ, словно сказку. И она бы действительно воспринимала его как зловещую сказку, если бы не то, что произошло с ней самой, подумал вдруг Гольди, – сейчас в глазах женщины отражалась *вера* в слова старика.

– Ну, хорошо, – протянул Гольди медленно. – Если все перечисленные вами способы нам недоступны, значит, остается огонь?

– Верно! Огонь мы использовали на протяжении тысячелетий, и он нас никогда не подводил!

– А как он действует на гулов? Они сгорают?

– Да, огонь полностью уничтожает дьявольскую плоть, очищая кости покойника: если гул загорается, плоть его сгорает в считанные минуты!

Внезапно в сознании Гольди всплыл утренний разговор – Марио Протти упоминал о человеческих костях, найденных утром возле Чимитеро ди Джовани, и эти кости были обожжены.

– Сегодня утром в заброшенном доме возле Чимитеро ди Джовани нашли сожженный скелет человека, – сказал комиссар. – Это ваших рук дело?

Аз Гохар кивнул и вытащил из кармана брюк фляжку:

– Это был гул, и я сжег его с помощью *этого*!.. Кроме того, этим утром мы с синьором Беловым сожгли еще двоих гулов в монастыре. – Видя, что Гольди не отрываясь смотрит на фляжку, старик пояснил: – Это изобретение одного из моих братьев: действует по принципу аэрозольного баллончика, но заряжается бензолнафтеном – это газовая разновидность напалма – всё, на что попадает это вещество, сгорает в нем без остатка.

– А в тех цилиндрах?.. – начал Гольди.

– ...Бензолнафтен!

Короткое время комиссар молча думал о чем-то своем. Наконец, бросил взгляд на часы – прошло уже около часа с момента, как они выехали из города, и пятнадцать минут, как они находились на станции. За всё это время в долине не наблюдалось никакого движения – что бы ни задумали гулы, действовать они пока не начинали. Гольди не знал: хорошо это или плохо, но понимал, что ему нужно узнать, что задумали эти создания.

– Ну, что же, похоже, мы узнали о гулах почти всё, за исключением самого главного, – *зачем* они устроили в Террено то, что устроили, и что собираются делать дальше!.. Синьор Аз Гохар, вы знаете ответ на этот вопрос?

Старик мрачно кивнул.

– Тогда расскажите нам, что задумали эти существа!

Джей Адамс, глядевшая до этого на Террено, оторвалась от долины и посмотрела на Аз Гохара. Тот пару мгновений молчал, перед тем как ответить:

– Для того чтобы объяснить это, я должен сначала рассказать вам о Пророчестве, сделанном три тысячи лет назад моим предком. Ибо в нём заключены ответы на вопросы о том, что произошло в этом городе. И что еще может произойти!

Он вновь замолчал, вопросительно глядя на Гольди.

Мгновение комиссар неподвижно смотрел на него, а затем всё же мрачно кивнул:

– Хорошо... Вы с самого начала не раз упоминали это Пророчество – думаю, пришло время узнать: в чем его суть!..

* * *

Медленно двигаясь вдоль овальных колонн, Франческо осматривал раскинувшийся внизу город, и то, что он видел, ему не нравилось – Террено был мертв. Оглядывая его переулки и улицы, он не видел на них ничего движущегося – только смутные силуэты покойников, усеивающие их с пугающей частотой. По его мнению, девяносто девять процентов населения города было мертво. На всех крупных проспектах Террено наблюдалась одна и та же картина – скопления столкнувшихся автомобилей, превращенных в груды железа, с лежащими между ними телами, а перед входами в крупнейшие магазины мертвецы лежали десятками. Последнее не удивляло Франческо, беспокоило его нечто другое: сейчас он не видел пожаров. А ведь всего час назад он видел скопление горящих машин возле центрального кинотеатра, но теперь там пламени не было. Единственными источниками огня были его собственный дом и несколько машин на западе города. На его взгляд, исчезновение огня могло объясняться одним: огонь потушили адские твари, не желавшие, чтобы город сгорел, пока они не сделали в нем свое дело. Однако положение усугублялось тем, что он не видел и гулов.

Когда он направлял трубу в сторону Пьяцца дель Фуоко, то отчетливо разглядел крышу магистратуры, шпиль городской ратуши и большой кусок здания комиссариата. Увидеть саму площадь мешали деревья, и все-таки в какой-то момент ему показалось, что в просвете листвы он увидел движение. По его мнению, движение это могли произвести только гулы – он понимал, что, скорее всего, они выберут комиссариат своей «штаб-квартирой». Впрочем, это было единственное, в чем Франческо мог быть уверен хотя бы примерно. Он имел большой опыт уличной стратегии, и если бы Террено захватили люди – с любой целью, любых религиозных и политических убеждений, – он бы мог уверенно предсказать, что они сделают дальше. Но сейчас вся сложность состояла в том, что город захватили не люди, и всё, чему когда-то научил его Карло Гарцетти, сейчас было абсолютно неприменимо. Ему оставалось одно: продолжать наблюдение в надежде увидеть гулов и понять, что они собираются делать...

Осмотрев Рионе Нуово и не заметив на его улицах никакого движения, Франческо перевел трубу в сторону аэропорта и какое-то время вглядывался в подрагивающее в потоках воздуха изображение летного поля. От Музея Естествознания до аэропорта было около пяти кило-

метров. Через двадцатисильную трубу нельзя было различить мелких деталей – тем не менее, он мог поклясться, что за те минуты, в течение которых он смотрел на летное поле, ни один самолет над ним не поднялся.

Опустив трубу, Франческо достал из сумки банку лимонада, сорвал с нее крышку и принялся цедить жидкость маленькими глотками, глядя на Кальва-Монтанья и раздумывая над увиденным... Когда он осматривал порт, то не заметил на реке движущихся судов; кольцевая дорога на севере города, шоссе на Мorte-Коллине и автострада в Милан были также пусты – он не увидел на них ни единой машины. Последнее, наверняка, означало, что город не просто захвачен гулами, но и отрезан ими от внешнего мира – скорее всего, они перекрыли все выезды из Террено. Но для чего они это сделали? Ведь не могут же гулы удерживать город долгое время? Через несколько часов в соседних городах появятся первые подозрения: отсутствующие машины, рейсовые самолеты и катера из Террено; не отвечающие телефонные номера. Максимум через четыре часа официальные власти Ломбардии попытаются выяснить причину странной изоляции города, послав сюда полицейских; но еще раньше в Террено должны пожаловать высшие чины префектуры – ведь в Милане *уже* знают о бойне в монастыре. Таким образом, на осуществление задуманного у гулов остается совсем мало времени. Но что они собираются делать?

Франческо нахмурился, приложив банку к виску. Жестянка успела нагреться, и он не почувствовал ожидаемой прохлады. Впрочем, он не обратил на это внимания – сейчас его волновало другое: что бы ни задумали гулы, действовать они собираются быстро, а значит, и ему надо спешить. Но что предпринять? Он мог бы решить это, обнаружив гулов. В принципе, прямо сейчас можно отправиться на Пьяцца дель Фуоко – там он обязательно найдет этих существ, – но вряд ли это поможет ему: он просто обнаружит себя, и за ним могут устроить охоту. Нет, прежде чем отправляться на площадь, ему нужно узнать, с кем он имеет дело.

Бросив банку к ногам, Франческо поднял трубу и направил ее в сторону Чимитеро ди Джовани. В тот момент, когда в окуляре возникло изображение кладбища, он подумал, что ответы на его вопросы мог бы дать тот старик. Однако он тут же отгнул эту мысль – старик сейчас неизвестно где, так что ему следует рассчитывать на себя... Подстроив резкость, Франческо сосредоточился на кладбище и с минуту осматривал ряды надгробий, не замечая на них никакого движения. Через минуту он перевел прибор на Корсо Централе и перекресток за перекрестком осмотрел проспект от одного конца города до другого, но и на нем не заметил ничего движущегося...

Десять минут спустя, когда, в третий раз осмотрев город, он опустил трубу и остановился у восточных колонн, решив дать отдых глазам, ему показалось, что в районе порта появилось движение. Сначала он подумал, что его подвело зрение, но через миг разглядел, как в том же месте что-то повторно мелькнуло.

Быстро вздернув трубу, Франческо направил ее в сторону пирса. Мгновение у него ушло на то, чтобы навести объектив на нужное место; когда же он сделал это, то почувствовал, как у него перехватило дыхание. В окуляр он отчетливо разглядел грязно-зеленый грузовик – машина двигалась параллельно реке по Виа делла Виттория, и с расстояния в шестьсот метров Франческо смог даже разглядеть ее водителя. Он двинул трубой и заметил второй грузовик, следующий в десяти метрах от первого.

Франческо напрягся. С первого взгляда он узнал в этих машинах грузовики, которые видел на Пьяцца дель Фуоко и которые попались ему на дороге, когда он ехал домой. Тогда они двигались в сторону Олоны, теперь возвращались назад. Видимо, час назад он не ошибся, и гулы действительно направлялись к реке. Но с какой целью?

В этот момент оба грузовика заехали за пятиэтажную коробку международной гостиницы, и Франческо потерял их из вида. Он двинул трубой туда, где только что проехали машины, и разглядел третий грузовик – автомобиль двигался метрах в двухстах за вторым.

Неожиданно Франческо подумал, что *знает*, куда направляются грузовики. Быстро переведя трубу с третьего грузовика, он попытался обнаружить четвертый, но сделать этого не сумел – похоже, на этот раз в колонне было всего три машины. Тогда он направил трубу на то место, где, как он думал, должны были появиться грузовики, и какое-то время смотрел в окуляр...

Изображение пустой улицы в окуляре подрагивало и расплывалось из-за потоков теплого воздуха. Так продолжалось несколько секунд. Наконец, когда он уже решил, что ошибся, в окуляре возникла пара грузовиков – свернув с Виа делла Виттория, машины оказались на перпендикулярной ей улице и двинулись к центру Террено.

Не теряя времени, Франческо запихнул трубу в сумку, закинул ее на плечо и бросился к лестнице... Уже через пятнадцать секунд он выскочил на улицу и помчался по переулку к припаркованной «хонде» – у него вдруг появился подходящий план действий, но для того, чтобы осуществить его, ему требовалась машина...

Глава тридцать пятая

Достав сигарету, Аз Гохар прикурил от серебряной зажигалки, глубоко затянулся и принялся говорить:

– Три тысячи лет назад, после битвы гулов с воинами-предтечами на севере Аравийской пустыни, последний воин из рода Язатасов погиб, но перед этим успел передать свои знания вождю небольшого племени кочевников-ариев. Вождя племени звали Азза Мулла Аз Гохар, и именно он стал прародителем нашего рода – он передал знание о гулах своим детям, а те – его внукам, таким образом, знание было сохранено, и появились люди, борющиеся с гулами... Правнук прародителя рода – Абдех Нусир Аз Гохар – получил знания от отца и в возрасте двадцати пяти лет стал тахши – «ищущим гулов». Через пять лет на юге Аравийской пустыни ему явился посланник Ормазды и открыл священное Пророчество о пришествии на землю детей Аримана. Аб Нусир записал его на языке гулов, и с тех пор оно передается среди людей нашего рода из поколения в поколение так, как и было записано три тысячи лет назад: *«Винсет гоаль Вассах Гул, кох мали аннамет. Саллет Ариман!..»* – *«Вассах Гул с нами, вы все умрете. Хвала Ариману!..»*

Выпустив дым, Аз Гохар пояснил:

– Эти слова – одна из важнейших Примет, по которым люди нашего рода в течение всего этого времени искали место, в котором осуществится Пророчество. Сам текст Пророчества небольшой, и его суть вам известна: Аб Нусир предсказал, что однажды в небольшом городе родится гул, которого кахмары не найдут при рождении, он сумеет стать сильным и проживет в этом городе много лет в ожидании, когда земля сможет родить тысячи гулов. За это время сила его возрастет в сотни раз, и он станет Вассахом – Повелителем гулов... В конце концов, его час придет – земля начнет рождать детей Аримана, и Вассах поведет их на решающий бой – первым делом уничтожит воинов, защищающих город, а затем – всех остальных его жителей. После этого на пути Вассаха встанет горстка выживших горожан во главе с потомком Аб Нусира, в городе разыграется смертельная схватка, в результате которой он исчезнет с лица земли, а гулы погибнут...

На мгновение Аз Гохар замолчал, глубоко затянувшись. Гольди не стал ничего говорить, чтоб не прервать рассказ старика, а тот продолжал:

– ...В Пророчестве ничего не было сказано о времени и месте, где оно должно было осуществиться, поэтому люди нашего рода на протяжении тысячелетий искали Приметы, по которым можно было определить это место, – везде, где бывали... Дважды им удавалось находить эти Приметы и дважды они останавливали Вассахов: в первый раз его уничтожили до того, как он успел убить воинов города; во второй раз Вассах успел уничтожить воинов, но после этого тахши уничтожили его самого и его слуг. То, что происходит в Террено сейчас, – это третья попытка Аримана за последние три тысячи лет заселить землю гулами и, видимо, она и была предсказана Аб Нусиром...

Аз Гохар поднял руку и потер переносицу:

– Приметы, о которых я говорю, были также указаны Аб Нусиром: в городе, в котором должно осуществиться Пророчество, незадолго перед появлением гулов начинают пропадать его жители, происходят убийства людей, на кладбищах оскверняются могилы и похищаются трупы, подвергаются нападению городские храмы, а уличных собак убивают и выбрасывают за окраину города. Предания говорят, что в обоих случаях, когда находили Вассахов, тахши обнаруживали и эти Приметы. Кроме того, самая главная Примета – начальные слова из Пророчества. Молодые гулы пишат их на стенах храмов, могильных надгробиях или стенах домов – это вызов Аримана Ормазде. И если такая надпись найдена, это верное указание на то, что в городе осуществляется Пророчество...

Сделав затяжку, Аз Гохар бросил окурок за парাপет.

– ...Двадцать лет назад мой отец разослал письма с Приметами в главные католические и протестантские храмы всех стран Европы и Африки. Он ничего не писал о гулах, но просил, в случае, если эти Приметы будут обнаружены, сообщить в Эт-Таиф... В этом городе живут несколько человек нашего рода, – пояснил Аз Гохар, – через них тахши связываются между собой и в случае надобности выезжают туда, где нужны... Так вот, такое письмо было послано и в Террено. А в начале этой недели на мое имя в Эт-Таиф пришла телеграмма с просьбой приехать в ваш город. В действительности телеграмма адресовалась моему отцу, но так как он умер, а звали его так же, как и меня, то в Эт-Таифе решили, что телеграмма направлена мне. В обратном адресе была указана церковь Сант'Антонио ди Франчезе. Вчера утром я приехал в Террено и встретился с пастором церкви Федерико Ланцони...

Слушавший старика Гольди нахмурился – упоминание имени отца Федерико заставило его вспомнить о Марио Протти:

– Это тот самый священник, что направлялся в аэропорт вместе с Дамаччо!

– Вот именно, – подтвердил Аз Гохар. – И теперь нам известно, *что* они везли в грузовике – баллоны с отравляющим газом... Видимо, отца Федерико убили сегодня ночью, и он успел превратиться в гула: сейчас для того, чтобы родиться, гулу нужны считанные часы – вспомните слова Вассах Гула!

Гольди еще больше нахмурился, вспомнив разговор с Плацци-Вассахом, заявившим, что в Сант'Антонио ди Франчезе был убит Тони Ризо. Внезапно он осознал, что и Марио Протти, скорее всего, тоже мертв – ведь он следил за «священником» и во время выброса газа находился возле аэропорта.

– Вчера утром я встретился с отцом Федерико, и он рассказал мне о происходящем в Террено, – продолжал Аз Гохар. – От него я узнал об исчезновении людей в вашем городе и о похищении «трупов» с местного кладбища. Кроме того, он рассказал мне о смотрителе Чимитеро ди Джовани, слышавшем голоса, приказывавшие ему раскопать могилы на кладбище и раскидать кости покойников. Но самое главное – он показал мне фотографию, запечатлевшую надпись, сделанную неизвестными на дверях церкви, – это были начальные слова из Пророчества! После этого у меня не осталось сомнений, что в Террено происходит то, что было предсказано моим предком, а когда я пришел в дом к смотрителю и нашел его мертвым, с теми же словами на груди, то понял, что схватка неизбежна и состоится в ближайшие сутки... Единственная вещь, которой я не обнаружил в Террено, – мертвые собаки. Однако оказалось, что их не убивали по простейшей причине – Вассах позаботился, чтобы в городе их не осталось... Отец Федерико свел меня с другим священником – отцом Винченцо из Санта Марии Аквилонии, у которого был адрес моего племянника в Эт-Таифе. По моей просьбе отец Винченцо сходил в муниципалитет и достал имена членов городского совета, в начале века принимавших закон об уничтожении собак; после этого я пошел в библиотеку и нашел фотографии этих людей, а сегодня с вашей, комиссар, помощью обнаружил Вассаха... – Лицо старика исказила гримаса: – Правда, я опоздал – отца Винченцо убили, и я не сумел помешать гулам уничтожить жителей города!

Когда старик замолчал, комиссар протянул:

– Вчера вечером – после того, как Винченцо Бокаччи побывал в архиве муниципалитета, – Вассах узнал о его приходе туда, сделав запрос по компьютерной сети из комиссариата, и сегодня же в полночь послал в Санта Марию Аквилонию своих слуг!

– Он хотел уничтожить меня, – кивнул Аз Гохар, – но не смог это сделать – я не сказал священникам, где меня можно найти, поэтому он не сумел прочитать это в их мыслях!.. Очевидно, в то время, как убивали отца Винченцо, я допрашивал в заброшенном доме одного из гулов. Именно от него я узнал, что Вассах начнет действовать сегодня утром с монастыря.

Гольди кивнул – хотя сейчас это не имело особого смысла, ему становилось легче от того, что вереница загадок всё больше распутывается... Потерев висок, он спросил:

– Как, по-вашему, сколько гулов находится в Террено сейчас?

Аз Гохар перевел взгляд с долины:

– Вчера со слов отца Федерико я установил, что их должно быть не менее двадцати: пятеро человек исчезли в двух церковных приходах, больше дюжины «трупов» были эксгумированы на Чимитеро ди Джовани... Кроме того, в городе с самого начала должно было находиться несколько гулов, которые похищали людей и раскапывали могилы.

– Вы говорите, что на Чимитеро ди Джовани эксгумировали дюжину «трупов»? – повторил Гольди, чувствуя неприятный холодок на спине. – Но на Чимитеро Нуово за десять дней похитили не меньше двадцати пяти «тел» – сегодня утром я узнал это от смотрителя кладбища!

Глядя на старика, Гольди заметил, как лицо того побледнело. Мгновение Аз Гохар стоял молча, а потом прошептал:

– Значит, я ошибался, и их не меньше пятидесяти!.. – Он прикрыл глаза и какой-то миг был похож на гранитное изваяние, наконец, произнес: – Что ж, это намного хуже, но, в принципе, ничего не меняет. Через несколько часов их может стать в тысячу раз больше, поэтому двадцать или пятьдесят – разница не большая!

Аз Гохар замолчал. Комиссар снова подумал, что лицо его напоминает ему лицо древнего воина-мавра, а вслух произнес:

– Ну, что же, теперь мне понятно, что происходило в Террено на протяжении последнего месяца. На городских кладбищах родилось несколько гулов, Вассах нашел и защитил их, пока они были слабы, дал нужные знания, а затем приказал похищать подходящих людей, убивать их и закапывать в землю, чтобы из них рождались новые гулы, а когда придет время – выкапывать их из могил.

– Верно, – ответил старик. – Вассаху нужно было иметь достаточное число слуг, чтобы вступить в схватку с людьми. За две недели в Террено родилось пятьдесят гулов, и он решил, что достаточно силен, чтобы бросить вызов людям!

– И он сделал это – осуществил в Террено то, что было предсказано, – завершил Гольди. – Однако сейчас возникает вопрос: что гулы будут делать теперь? В городе с восьмьюдесятью тысячами трупов?

Повернувшись к долине, Аз Гохар бросил:

– Ответ на этот вопрос прост, комиссар: теперь гулы начнут собирать подходящие трупы – взрослых людей от двадцати до пятидесяти лет – свозить их на кладбища и закапывать в землю. Для того чтобы число гулов увеличилось в тысячу раз, им потребуется не так много времени. Думаю, если не помешать им, это произойдет уже ближе к полуночи!

Гольди выслушал старика молча. В принципе, он предвидел этот ответ, но внезапно последние слова Аз Гохара заставили его протянуть:

– А остальные люди? Я имею в виду: ведь гулы не смогут превратить в себе подобных большинство трупов. Что станет с остальными?

Старик повернул голову к Гольди, и в глазах его вспыхнула сталь.

– Остальные останутся лежать там, где умерли, комиссар!

Гольди нахмурился.

– То есть гулы убили их просто так? Заранее зная, что они останутся лежать, где погибли?

– Не подходите к ним с человеческими мерками! – отрезал старик. – Это дьявольские создания, ждавшие своего часа тысячи лет, и меньше всего их заботят судьбы людей... Да, они убили восемьдесят тысяч человек, из которых вряд ли родится и десять тысяч этих существ. Но они убили бы и миллион, лишь бы получить эти тысячи, и сделали бы это не потому, что им не хватило бы тел, а чтобы им никто не мешал – им нужно действовать быстро!

Комиссар ощутил тошноту – он уже понимал, что Аз Гохар говорит правду, и интуитивно чувствовал, что происходящий в Террено кошмар и не мог развиваться иначе, но все-таки что-то еще вызывало у него смутное беспокойство...

Проведя рукой по лицу, он сказал:

– Вы говорите, что гулам нужно действовать быстро, но, по-моему, ваши слова не объясняют того, что произошло в этом городе, и здесь есть одна неувязка. Если гулы с самого начала должны были действовать быстро, то почему они начали с монастыря? Почему они не убили всех людей газом сразу – вместе с полицией и людьми Пандоры и Борзо? Зачем нужен был этот спектакль? Ведь не исключено было, что, начав с монастыря, гулы могли испортить весь план – они рисковали!

Выслушав Гольди, Аз Гохар ответил без паузы:

– Здесь нет ничего непонятного, комиссар, – Вассах готовился к этому дню последние десять лет, и всё, что произошло сегодня, было продумано им до мельчайших деталей. Он знал, что ему не удастся уничтожить газом всё население города – в Террено уцелело несколько сот человек...

Заметив сомнение на лице комиссара, старик повторил:

– Поверьте мне, комиссар, это так – кому-то обязательно должно было повезти, и они выжили... Так вот, Вассах не хотел, чтобы среди выживших оказались «воины». Ведь даже один человек, умеющий обращаться с оружием и побуждаемый ненавистью, способен серьезно помешать гулам или, по меньшей мере, на время отвлечь их от того, что они собираются сделать. А гулам нельзя отвлекаться от плана Вассаха. Понимаете, комиссар?..

* * *

Стоя за дверью книжного магазина, Франческо чувствовал выступивший на спине пот. И хотя сердце его билось спокойно, сейчас бы он предпочел, чтобы на время оно остановилось совсем.

Глядя через стекло двери на улицу, он видел приближающиеся грузовики, однако, чем меньше оставалось до них, тем четче работал его мозг. Когда первый грузовик поравнялся с зеркальной вывеской магазина, Франческо поднял лежащий на полу гранатомет и проверил заряд, затем бросил взгляд через дверь и увидел вторую машину...

...Полторы минуты назад – после того, как он выскочил из башины Музея Естествознания и добежал до оставленной «хонды», – он завел двигатель и поехал к Виа Мареча, думая об одном: у него появился шанс добраться до гулов. Виа Мареча начиналась у речного порта и шла к центру Террено, но была не прямой, а делала два изгиба. По этой причине двигавшиеся по ней грузовики должны были на какое-то время потерять друг друга из вида, разделившись на половине пути, а это и было тем, что требовалось Франческо – он решил, опередив их, устроить засаду на среднем участке, чтобы, когда два первых грузовика проедут по нему, остаться один на один с третьим...

...Второй грузовик проехал мимо книжного магазина, оставив за собой выхлоп сгоревшего дизеля. Стоя за уличной дверью, Франческо чувствовал себя в безопасности: он не случайно выбрал этот магазин – витрина и дверь его были зеркальными, – разглядеть, что происходит внутри него, было нельзя; а вот находившиеся в магазине отлично видели улицу.

Когда грузовики поравнялись с магазином, Франческо разглядел их водителей: оба гула были одеты в полицейскую форму. Глядя на их неподвижные лица, Франческо поразился их выражению, а вернее, его полному отсутствию – лица существ были пустыми, как куски замо-

роженного мяса. Живыми казались только глаза – они скользили по дороге, но и это движение было какое-то мертвое.

Франческо ощущал поднимающуюся из глубины сознания ненависть, вызванную видом этих существ.

Внезапно он вспомнил то, что на время пытался забыть, – сгоревших на своей вилле покойников. Стиснув зубы, он проводил взглядом удаляющиеся грузовики, и когда те скрылись в дальнем конце Виа Марча, осторожно открыл дверь и выглянул на улицу.

Машина, на которой он приехал сюда, стояла в паре метров от двери. Кроме нее, на обозримом отрезке улицы находилась еще дюжина автомобилей. Почти все они были припаркованы у тротуара; однако пара машины замерла под углом к улице, а их искореженные капоты говорили о том, что их водители умерли раньше, чем остановились машины. Трупов на тротуарах было немного: лишь в дальнем конце Виа Марча лежало несколько тел.

Осмотрев улицу, он быстро повернул голову и бросил взгляд на грузовики: за десять секунд они успели отъехать от магазина на приличное расстояние и через мгновение должны были повернуть влево в том месте, где Виа Марча делала изгиб к центру Террено. Как и час назад, он не смог разглядеть, что находится в кузовах грузовиков, – задние тенты машин были опущены и закреплены на бортах...

Двигаясь со скоростью пятидесяти километров в час, грузовики проехали последние метры, и вскоре головная машина начала втягиваться за угол крайнего здания... Когда оба грузовика исчезли из вида, Франческо распахнул дверь и пересек расстояние между магазином и «хондой». Остановившись возле багажника, склонился к земле и бросил взгляд в дальний конец Виа Марча, откуда должен был появиться третий грузовик, но ничего не увидел – пока там никого не было.

Поправив подсумок с гранатами, Франческо оперся спиной о заднее крыло «хонды» и поднял гранатомет. Обхватив правой ладонью рукоятку оружия, опустил указательный палец на спусковой крючок. В тот момент, когда кончик пальца коснулся металла, в конце улицы появилось движение.

Повернув голову, Франческо увидел грузовик – выбравшись из-за угла, машина двинулась к нему по центру Виа Марча. Сейчас до нее было не менее двухсот метров – с такого расстояния нельзя было увидеть деталей, но Франческо практически сразу же понял, что это тот самый грузовик, который он видел две минуты назад. Нырнув за багажник, он прислонился к машине и принялся ждать.

Пару секунд он не слышал ничего, кроме биения собственного сердца и шума крови в ушах, потом различил низкий звук дизеля. С каждым мгновением этот звук нарастал – даже не видя грузовик, Франческо прекрасно себе представлял, как тот движется по Виа Марча: грязно-зеленый монстр, ползущий мимо разбитых машин и застывших покойников.

Через четыре секунды гудение дизеля достигло такой силы, что Франческо смог различить бряцание клапанов в его двигателе. Сидя на асфальте спиной к «хонде», он чувствовал вибрацию, вызванную движением многотонной машины, и ощущал, как капелька пота течет по виску...

Когда прошло еще две секунды, он бросил последний взгляд в дальний конец Виа Марча, но не заметил скрывшихся там грузовиков. Тогда он повернул голову и различил в витрине магазина фототоваров отражение грязно-зеленой машины – до грузовика оставалось не больше пятидесяти метров.

Уперев ступни в мостовую, Франческо глубоко вздохнул и рывком вздернул тело, разворачиваясь в воздухе на сто восемьдесят градусов. В следующий миг он увидел машину и поймал ее на нитку прицела.

За мгновение до того, как его палец спустил курок, Франческо заметил, как двигавшийся на него грузовик вильнул вправо – словно сидевший в нем гул увидел его и, поняв, что про-

изойдет через миг, попытался уйти. Франческо машинально отметил поразительную реакцию гула и выстрелил. Отдача заставила его отшатнуться, а через секунду он услышал хлопок.

В тот момент, когда граната вырвалась из ствола, гул сделал попытку выскочить из машины – наверно, он понял, что его маневры ничего не дадут: поблизости не было свертка, куда бы он мог повернуть, а на разворот у него уже не было времени. Гул резко открыл дверь кабины, одновременно поворачивая руль, – машина вильнула, однако выпрыгнуть гул не успел: расстояние, отделявшее «хонду» от грузовика, граната пролетела за долю секунды, и врезалась в него между кузовом и кабиной.

В следующее мгновение раздался оглушительный гром – словно с многоэтажки упал мусорный бак; Франческо пригнулся, но успел разглядеть, как полыхнувшее пламя развалило грузовик пополам: заднюю часть отшвырнуло к тротуару, а кабина с водителем, словно рождественская петарда, взлетела высоко в воздух. Одновременно с громом в уши ударил пронзительный скрежет, однако Франческо лишь мельком взглянул на волочащийся кузов – сейчас его взгляд был прикован к летящей кабине.

Поднявшись на столбе пламени вверх, она за секунду достигла высоты трехэтажного дома, на мгновение замерла в воздухе, а потом начала падать... Словно замороженный, Франческо смотрел, как кабина летела по воздуху, оставляя за собой след от горячей резины и производя тонкий свист. Этот свист нарастал, поднимаясь в тональности, и внезапно напомнил Франческо фильм про войну, – наверно, так свистели падающие с неба снаряды...

На какой-то миг он решил, что свист этот никогда не прервется, но именно в этот момент кабина достигла земли, и грохот металла, обрушившегося на мостовую, заставил его вернуться к действительности.

Страхнув с себя путы оцепенения, Франческо схватил гранатомет в левую руку, правой выхватил из-за пояса пистолет и бросился к полыхающей на противоположной стороне улицы кабине...

* * *

Мгновение комиссар смотрел на раскинувшийся внизу город, обдумывая слова Аз Гохара, – он понимал, что тот прав: человек, знающий город, действительно может серьезно помешать плану Вассаха – пользуясь сетью проулков, прорезающих большую часть «старого» города, можно внезапно появляться в разных районах Террено, наносить гулам удар и скрываться, – наконец протянул:

– Значит, Вассах устроил бойню в монастыре для того, чтобы быть уверенным в том, что все «воины» города погибли и никто не сможет ему помешать?

– Да, – подтвердил Аз Гохар. – Ему нужно было уничтожить их всех вместе и сразу, и сделать это ему было просто – ведь он занимал пост начальника полиции. Он всё рассчитал: учел всех людей, которые могли постоять за себя, и разработал план, как уничтожить их вместе... Полагаю, теперь вы можете объяснить это лучше меня?

Гольди нахмурился:

– Да, теперь мне всё ясно: он подстроил встречу двух кланов, контролирующих город, – они приехали к монастырю в полном составе, и гулы их расстреляли. А когда туда подъехал Плацци с частью полиции, они уничтожили и полицейских.

Сделав паузу, комиссар протянул:

– Всё это ясно, но мне не понятно другое: почему Вассах не убил и меня? Ведь сделать это ему было просто – когда я подъехал к монастырю, мы встретились с ним один на один. Он легко мог убить меня, а потом представить всё так, будто меня застрелили вместе с другими.

– Похоже, вам повезло, комиссар. Хотя и не совсем повезло – по-видимому, Вассах вас оставил в живых специально... – Заметив непонимание на лице Гольди, Аз Гохар пояснил: –

Ему нужно было привести к монастырю остатки полиции, а для того, чтобы сделать это, ему требовался помощник; наверное, поэтому он и оставил вас жить. Он думал, что вы поедете в город и пришлете к монастырю оставшихся «воинов», которых он затем уничтожит. Что же касается вас, комиссар, то вы бы умерли в комиссариате, при встрече с Вассахом. Он всё рассчитал, а единственное, чего не учел, – нашу встречу и то, что вы успеете сообщить в Милан о случившемся... Впрочем, – закончил старик, – вы видели, как он разделался с миланскими карабинерами.

Гольди кивнул и опять перевел взгляд в долину. Мгновение мрачно смотрел на черепичные крыши домов, с расстояния в три километра сливавшиеся в сплошную рыжеватую массу, подспудно отмечая, что под каждой из них лежат мертвецы, а потом протянул:

– Синьор Аз Гохар, но вы не считаете, что Вассах все-таки сделал ошибку? Ведь в Милане *уже* знают о бойне в монастыре!..

* * *

Выскочив из-за «хонды», Франческо бросился к горящей кабине: в считанные мгновения оказался возле места падения и остановился, глядя на груды железа.

Оторванная взрывом кабина упала в тридцати метрах от кузова. При падении она задела стену двухэтажного дома и оцарапала ее, словно коготь огромного тигра. Каркас ее был помят – кабина потеряла прямоугольные очертания, превратившись в подобие бумажной игрушки, по неосторожности смятой ребенком: лобовое стекло ее вылетело, дверца водителя была согнута пополам, правое колесо подломилось, приняв на себя всю силу удара. Обе покрышки горели; из-под капота раздавалось шипение вытекающих антифриза и масла – последнее, выплескиваясь на мостовую, занималось голубоватым огнем, – Впрочем, опасность взрыва отсутствовала, так как бензобак остался под кузовом.

Не долго раздумывая, Франческо опустил гранатомет на асфальт, снял с плеч подсумок и сумку и бросил их рядом с оружием. Потом передернул затвор и шагнул к горящей кабине.

Через пару секунд он оказался в метре от водительской дверцы и внимательно ее осмотрел. Кабина лежала на правом колесе – из-за подломившегося амортизатора создавался уклон в тридцать градусов: дверца водителя располагалась на полметра выше пассажирской.

Стараясь не задевать расплавленный корд, Франческо ухватился за зеркало, уперся ногой в подножку водителя и подтянулся. Через мгновение он оказался высоко над землей, уцепился за ручку искореженной дверцы и потянул ее на себя. Согнутая пополам дверца ухнула, но поддалась – неуклюже повернувшись на уцелевшем шарнире, отвалилась, обнажая внутренности кабины, а через мгновение грохнулась о крыло. Свободной рукой Франческо разогнал клубы дыма и нагнулся в кабину. В первое мгновение он в ней ничего не увидел – здесь царил настоящий хаос из разорванной резины, горелого пластика, смятых деталей... – но через секунду разглядел то, от чего резко замер.

В метре от него находилось то, что осталось от гула – видимо, во время взрыва заднюю стенку кабины порвало, и ее куски, словно лезвия тесака, рассекали тело водителя пополам: ноги его оказались зажатыми под рулем – между креслом и передней панелью. На самом кресле торчал короткий обрубок – металл прошел от живота до левой ключицы и теперь к ногам крепился только остаток торса с левой рукой.

Франческо перевел взгляд за руль, ища вторую часть гула. Мгновение он ничего не мог разобрать – металлическая «роза» панели вдавливалась в кабину, перекрывая пассажирское сидение, – затем сдвинулся влево и разглядел голову и правую руку создания, впрессованные в пол сорванным креслом.

Переведя дух, Франческо попытался собраться с мыслями. Каким бы живучим ни было это существо, после такого ранения оно вряд ли будет жить дальше – похоже, взрыв прикончил

его. Он бросил взгляд на лицо существа – мышцы гула не шевелились, голова с рукой были плотно прижаты к полу, так что, даже если бы гул и оставался живым, он не смог бы выбраться из-под кресла, – потом посмотрел на нижнюю часть существа, зажатую под рулем.

Едкий дым проникал внутрь кабины, забиваясь в ноздри и вызывая жжение в веках, однако даже через пелену дыма Франческо видел, что в кабине отсутствуют следы крови, а на месте среза, рассекающего тело создания, виднеется серое «мясо» – мелко подрагивающее, словно брюхо кальмара, с белыми вкраплениями костей позвоночника. Похоже, эта тварь сдохла, еще раз подумал Франческо и на какой-то момент ощутил легкое разочарование – было бы лучше, если бы она оказалась попросту оглушенной, так что он смог бы ее допросить; теперь же ему придется искать нового гула.

Стоя на подножке и чувствуя поднимающийся от горящего колеса жар, он провел рукой по лицу, а затем неожиданно для себя перегнулся в кабину. Оказавшись в метре от головы гула, протянул пистолет и ткнул его дулом в серую щеку.

– Ну, что, сдох, сукин сын?!.. – процедил он, отчетливо чувствуя, что его разочарование переходит в раздражение – эти твари оказались не такими живучими, как их представил старик. – Кусок дерьма!.. Ты понимаешь, что ты всего лишь ку...?

Он хотел добавить что-то еще, но в этот момент заполнивший кабину дым попал ему в рот, и он кашлянул, с силой вжав пистолет, а в следующий миг ощутил, как оружие двинулось в сторону, и это движение не было вызвано им. Франческо непроизвольно напрягся, глядя на то, что происходило в полуметре от него, и не веря глазам: голова гула дернулась и медленно повернулась к нему!

До сих пор он мог четко увидеть лишь правую щеку и закрытый глаз существа, теперь же оно повернуло голову так, что Франческо сумел разглядеть всё лицо – левая щека и глаз существа были спалены, однако правый глаз уцелел и через пару мгновений открылся, уставившись на него с нечеловеческой ненавистью.

На мгновение Франческо ощутил укол страха, но не двинулся с места, а прошептал:

– Жив, паскуда!

Потом он приставил пистолет к уцелевшему глазу создания и процедил:

– Кто вы такие, мать вашу? Что вы за твари?!

Гул неожиданно дернулся – так что глаз его оказался справа от дула. Серые губы разползли в стороны, образуя ужасающую ухмылку:

– Не так это просто, братишка!..

Брови Франческо двинулись к переносице, но, прежде чем он успел понять, что имеет в виду гул, справа от него появилось движение, и он инстинктивно рванулся назад.

Однако он не успел выскочить из кабины – в этот момент голова его оказалась над рулем, и левая рука гула метнулась к нему, закручиваясь вокруг его горла.

В следующий миг Франческо показалось, что его шею сдавили тиски – на мгновение перед глазами всё потемнело, но он успел разглядеть, как висящая на лице гула ухмылка стала шире, после чего с тварью стало происходить что-то непонятное. Придавленная к полу плоть гула внезапно начала изменяться – словно кусок пластилина, принялась сползать с ребер и черепа, перетекая в уцелевшую руку, которая, наоборот, начала увеличиваться, превращаясь в злое шупальце, с каждым мгновением удлиняющееся и протягивающееся к замершему над ним человеку...

За какой-то миг Франческо успел осознать, что у него есть не больше пары секунд, чтобы вырваться из машины; если же он не сделает этого, то просто умрет!

Невероятным усилием Франческо вывернул голову и сквозь красную завесу перед глазами увидел, что нижняя часть твари также изменилась – обрубок туловища потерял всякое сходство с человеческим, превратившись в «удава», хвост-рука которого был закручен вокруг его шеи и с каждым мгновением сжимался сильнее.

Упершись левой рукой в искореженную панель над рулем, Франческо приставил пистолет к щупальцу и нажал на крючок. Грохот выстрела оглушил его – на секунду ему показалось, что он попал себе в голову. Пуля вырвала из щупальца огромный кусок, но оно продолжало сжиматься.

Не долго раздумывая, Франческо выстрелил еще пару раз: вторая пуля грохнулась в боковую стойку, увлекая за собой куски адской плоти, третья ушла в окно, опалив его щеку газом, однако после последнего выстрела он ясно почувствовал, что давление на его горло резко ослабло.

Он сделал отчаянный рывок – перебитое в трех местах щупальце лопнуло, словно прогнившая ветошь. Рванувшись назад, Франческо вылетел из кабины, однако, не рассчитав сил, лишь в последний момент успел ухватиться за зеркало и не упасть на асфальт... Устояв на подножке, он бросил взгляд вниз и увидел в кабине человеческий череп с извивающимся над ним серым щупальцем; на водительском сидении виднелось нечто, напоминающее трехрукого спрута: ноги его уходили к педалям, поднимающееся над ними щупальце с яростью металось по кабине, пытаясь достать ускользающую добычу.

Не мешкая ни секунды, Франческо прыгнул с подножки, приземлился на мостовую и откатился от кабины. Бросив пистолет на асфальт, схватился обеими руками за сжимающие его горло остатки короткого щупальца и принялся его отдирать... Оказавшись отстреленным от тела, извивающийся обрубок заметно ослаб, так что Франческо справился с ним без труда – через три секунды оторвал его и зашвырнул в кабину. Потом встал с асфальта и, шатаясь, шагнул к лежащему недалеко гранатомету.

Раскрыв подсумок, он трясущимися руками выхватил из него гранату, поднял гранатомет и принялся его заряжать. Он всё еще чувствовал давление в горле и грохот в ушах. Лишь каким-то неведомым чудом осколки пули не задели его самого, а если бы у него не оказалось пистолета, то он бы вообще был бы мертв...

Через четыре секунды гранатомет оказался заряжен. Франческо развернулся на девяносто градусов, наводя оружие на кабину, и в тот же миг разглядел появившееся в проеме двери щупальце гула.

На секунду он подумал: *старик был чертовски прав – эти твари неправдоподобно живучи!* – и выстрелил. Граната метнулась над улицей, влетела в кабину и, срикошетив от потолка, врезалась в пол. Через мгновение она взорвалась. Над Виа Мареа раздался оглушительный грохот – яркое пламя брызнуло из кабины, сотни мелких осколков вырвались из нее, выбивая витрины, однако за секунду до взрыва Франческо упал на асфальт, так что взрывная волна прошла над его головой...

Через короткое время, когда звон стекла окончательно стих, он поднял голову и посмотрел на кабину, похожую на бесформенный красный цветок, – огонь вырывался из ее внутренних частей, превращая то, что едва не убило его минуту назад, в горстку безобидного пепла...

* * *

– ...Синьор Аз Гохар, вам не кажется, что Вассах все-таки сделал ошибку? – повторил комиссар. – Ведь в Милане *уже* знают о бойне в монастыре, а одного этого достаточно, чтобы поднять на ноги всю окружающую полицию!

Посмотрев на часы, стрелки которых показывали без десяти час, Гольди добавил:

– Понимаете, в Миланской префектуре не ограничатся одними карабинерами: в течение трех ближайших часов в Террено отправится комиссия из Милана – в подобных случаях это диктует инструкция. А когда они подъедут к городу и увидят, что здесь творится...

Комиссар не договорил начатой фразы, глядя в глаза Аз Гохара. Последний облокотился о парапет и как будто застыл – живыми на его лице казались только глаза: они были прикованы

к лицу комиссара – видя пляшущие в них огоньки, тот понимал, что старик раздумывает над тем, что ответить ему... Наконец Аз Гохар протянул:

– Комиссар, Вассах не ошибся – прежде чем начать действовать, он просчитал все варианты и, наверняка, не исключал той возможности, что в Милане узнают о перестрелке в монастыре... Вспомните, о чем я вам говорил час назад – сейчас этот город отрезан: выезды из него перекрыты, телефонная связь и электричество также отключены. В данный момент ни один человек, находящийся в городе, не может сообщить внешнему миру о происшедшем в Террено; единственный способ связаться с соседними городами – добраться до радиотелефона, – но думаю, в этом городе они есть не у многих⁷?

– В Террено радиотелефоны работают через ретрансляционную станцию, – ответил Гольди, понимая, к чему клонит старик, – а она находится в одном здании с городской АТС.

– Даже так? Ну, что ж, в таком случае вы можете быть уверены, что все эти телефоны также отключены, а единственным средством связи остается спутниковый телефон. Но таких аппаратов в вашем городе, наверняка, не более дюжины⁸, так что вероятность того, что у выжившего окажется именно такой телефон, – нулевая... – Старик поправил повязку. – Поэтому, если вы, комиссар, правы и миланские полицейские действительно выедут в Террено, то, ничего не зная о происходящем здесь, они попадут в ловушку – гулы просто уничтожат их, возможно, оставив в живых несколько человек, – чтобы поддерживать связь с Миланом...

На мгновение в его речи образовался разрыв. За эту секунду Гольди успел бросить взгляд на Джей Адамс, стоящую за спиной старика – на лице ее висело откровенное беспокойство, – и подумал, что Аз Гохар прав – ведь всё, что он говорит, соответствует действительности, и, зная о перестрелке в монастыре, в Милане еще долго не узнают о гибели города.

– ...Кроме того, имеется еще одна вещь, о которой я вам не сказал, но которая по большому счету, возможно, и объясняет причины происшедшего здесь... – Старик провел рукой по лицу, и неожиданно Гольди почувствовал, что всё сказанное Аз Гохаром до этой секунды было важным, но вот сейчас он скажет что-то действительно важное. – ...Дело в том, комиссар, что Ариман дал гулам еще одну способность, отличающую их от людей. Они могут видеть будущее, и не исключено, что действия Вассаха объясняются тем, что он *знает*, что ему удастся осуществить задуманный план!

Договорив предложение, Аз Гохар замолчал.

Какое-то время Гольди обескуражено обдумывал слова старика, пытаясь убедить себя в том, что понял всё правильно, а потом открыл было рот, собираясь заговорить, но в этот момент от телескопа раздался голос Андрея:

– Кажется, есть!

Аз Гохар непроизвольно отвернулся от комиссара, чтобы посмотреть на Белова, а Гольди бросил взгляд за его плечо и увидел, что руки демонолога лежат на винтах тонкой настройки и двигают ось телескопа... Через секунду демонолог сказал:

– Два грузовика движутся к центру Террено!

Аз Гохар шагнул к телескопу, а Гольди повернулся к долине и машинально спросил:

– Где именно?

– К северо-востоку от Пьяцца дель Фуоко, в шести кварталах от Корсо Централле!

Комиссар перевел взгляд в северо-восточный район Террено, но невооруженным взглядом с такого расстояния ничего не увидел. Тогда он поднял бинокль, намереваясь навести его на место, указанное демонологом, однако за миг до того разглядел, как в двух кварталах от него над крышами взметнулся огненный столб...

⁷ Действие в романе развивается в конце 90-х годов двадцатого века, когда сотовые телефоны только начали массово появляться в Европе (*прим.* автора).

⁸ Описываемые в романе события приходятся на момент первого появления телефонов спутниковой связи в Италии (*прим.* автора).

* * *

Сев на асфальте, Франческо потряс головой – правое ухо всё еще было заложено грохотом взрыва, щека горела огнем, а горло саднило, к тому же, секунду назад при падении он ободрал все ладони. Однако мозг его работал нормально, и он уже понял, что с гулом покончено – кабина грузовика была похожа на топку печи: огненные языки вырывались из раскаленных окон – в ней ничего не могло уцелеть.

Отведя взгляд от кабины, Франческо огляделся по сторонам: в той стороне Виа Мареа, где пару минут назад скрылись грузовики, не было никакого движения; в противоположном ей направлении наблюдалась та же картина – лишь языки пламени лизали искореженный кузов.

Упершись кулаками в асфальт, Франческо встал на ноги.

Неожиданно он покачнулся и на секунду потерял равновесие – улица качнулась, словно палуба корабля, контуры зданий размазались...

Наверное, он успел наглотаться дыма от горящей резины, подумал Франческо, нагнулся и подобрал подсумок с гранатами... Через пару секунд, закрепив его на бедре, так же поднял оружие, взял сумку с водой, и на миг словно замер не зная, что делать теперь. У книжного магазина его ждала «хонда» – здесь всё было кончено и единственное, что ему оставалось: забраться в машину и уехать отсюда. Однако справа от себя он видел искореженный кузов грузовика, и стремление уехать отсюда боролось в нем с желанием заглянуть под тент и узнать, что же везли в грузовиках дьявольские создания.

Стоя в десяти метрах от полыхающей кабины, Франческо какой-то миг думал, а потом развернулся и отправился к кузову... *Он только узнает, что находится под тентом, и сразу же уедет отсюда,* – билось в его голове, пока он шел по усыпанной дымящимися осколками мостовой...

Через короткое время он поравнялся с передним краем оторванного кузова. В глаза ему бросилась искореженная рама, с которой свисали оборванные провода, – пламя взрыва опалило их, и теперь они были похожи на сожженные хвосты ящериц. Нижняя половина кузова была металлической и при взрыве не пострадала – лишь с правой стороны образовалась гигантская вмятина; верхняя же была закрыта прорезиненным тентом, который лениво лизали языки пламени, – впрочем, судя по виду их, огонь здесь должен был вскоре потухнуть сам по себе. Франческо решил, что с этой стороны в кузов ему не забраться, и двинулся вдоль него, перешагивая через ошметки горящего пластика.

Взрыв первой гранаты, разорвавший грузовик пополам, отшвырнул кузов метров на десять, прочертив искореженной рамой борозды на асфальте, после чего кузов остановился, развернувшись на тридцать градусов к тротуару. Так как уцелели у него только задние колеса, то сейчас он стоял, высоко задрав заднюю часть, а передней опирался на концы рамы в середине Виа Мареа... Когда Франческо оказался позади кузова, он увидел застегнутый тент – во время взрыва замки уцелели, так что для того, чтобы заглянуть под тент, ему нужно было забраться на кузов и расстегнуть их.

Над своими следующими действиями он думал не долго – ведь он уже был в метре от кузова, и оставалось немного, чтобы узнать, что в нем находится. Возможно, если он сделает это, то поймет, и что ему делать дальше?

Опустив гранатомет и сумку на землю, Франческо шагнул к заднему борту. Пистолет он оставил за поясом, решив, что сейчас тот ему не понадобится – под тентом вряд ли могли находиться адские существа, ведь если бы это было не так, то они бы уже давно выскочили на мостовую.

Упершись правой рукой в крепление рамы, Франческо подпрыгнул и ухватился левой за борт, после чего забросил ноги на раму, разогнулся, и через мгновение его голова оказалась

над бортом. Держась одной рукою за край, Франческо взялся за ремень, крепивший к кузову тент, и потянул его на себя...

На то, чтобы расстегнуть правой рукой первый ремень, у него ушла четверть минуты. Когда же с этим ремнем было покончено, он принялся за соседний... Франческо не собирался расстегивать все ремни, крепившие тент, – для того, чтобы заглянуть в кузов, ему достаточно освободить пару штук и отогнуть угол тента...

Наконец, второй ремень выскользнул из замка, и Франческо потянул за брезент. Освобожденный от ремней, тент легко скользнул вверх, открывая отверстие величиной с метр. Продолжая удерживать тент, Франческо наклонился к дыре и заглянул внутрь кузова...

То, что он увидел в отверстии, потрясло его, заставив ощутить слабость в ногах, отчего он едва не упал!

Отпрянув назад, он вздохнул, отказываясь верить увиденному, затем подтянулся и еще раз – теперь с напряжением – заглянул сквозь отверстие. Однако и на этот раз он увидел ту же картину: сложенные в штабеля, в кузове грузовика лежали *покойники*!.. Секунду Франческо смотрел на них, не в силах оторвать взгляд, а затем медленно отпустил тент и спрыгнул на землю.

Оказавшись на мостовой, он сделал пару шагов и остановился на тротуаре. Он всё еще чувствовал потрясение от увиденного – кошмарная картина стояла перед глазами, словно он продолжал смотреть сквозь отверстие: тела в кузове лежали аккуратными штабелями, параллельно бортам, – даже после того, как его отшвырнуло взрывом, они оставались в относительном порядке...

Упершись руками в колени, Франческо сделал вдох и внезапно вспомнил картину, почти один к одному схожую с той, что увидел сейчас, – это было невероятно давно, еще в Милане, где ему доводилось встречать крупные партии наркотиков, поставляемые в Ломбардию с юга Италии. Поставщики всегда укладывали товар в машину аккуратными штабелями – во-первых, это позволяло вместить в грузовик максимальное количество груза; во-вторых, такой способ погрузки гарантировал наилучшую их сохранность – при перевозке мешки не тряслись и не перекатывались в кузове... Сейчас он подумал, что мертвецы, лежащие в кузове, похожи на такие мешки – грузовик был забит трупами под завязку. И еще одну деталь отметил Франческо: через дыру он разглядел около дюжины мертвецов – женщин и мужчин, – и все они были молодыми людьми не старше сорока лет – стариков и детей среди них не было. Что это значит?

Внезапно он вспомнил слова старика, говорившего, что для рождения гулам нужны мертвые человеческие тела, – и разгадка сама обозначилась в его голове. Гулы проехали по городу и набрали подходящих для себя мертвецов, чтобы родить из них новых гулов. Но каким образом они собираются превратить трупы в дьявольских тварей?.. Франческо скрипнул зубами. Ответа на этот вопрос он не знал, но ощутил вдруг невыносимую ненависть. Он вспомнил свой дом, вспомнил картины гибели города, и в мозгу его полыхнуло: *он не допустит, чтобы эти покойники превратились в гулов!*..

Разогнувшись, Франческо оглядел грузовик. Огромный топливный бак находился с левой стороны кузова возле заднего колеса. Во время взрыва основной удар пришелся на кабину и передний борт кузова, поэтому сам бак не пострадал – разорвало лишь несущий топливопровод, однако горючее не сдетонировало, так как грузовик работал на дизеле, а для его взрыва недостаточно повреждения проводной магистрали...

В тот момент, когда он раздумывал: каким образом можно использовать оставшееся топливо в баке, его глаза отметили движение; Франческо повернул голову и увидел, как из-за поворота на Виа Марча выехал грузовик.

Он резко застыл.

Через секунду вслед за первым грузовиком из-за поворота появился второй.

Чувствуя холод в груди, Франческо сдвинул пистолет – он сразу узнал в этих машинах грузовики, которые проехали по улице две минуты назад. «Наверное, гулы услышали грохот взрывов, – пронеслось у него в голове, – и решили вернуться...»

На секунду он бросил взгляд на лежащий на тротуаре гранатомет, но тут же отбросил мысль использовать его против гулов: возможно, он и успеет зарядить его и взорвать один грузовик, но времени на второй не останется.

Не отрывая свой взгляд от машин, Франческо машинально схватил гранатомет и закинул его на плечо, затем поднял сумку. Добежать до «хонды» он уже не успеет, а значит, придется спасаться бегством. Он повернул голову в противоположную сторону Виа Мареа – метрах в сорока от него виднелась сквозная арка трехэтажного дома.

Обернувшись к грузовикам, Франческо принялся отступать к арке. Машины ехали быстро – сейчас до них оставалось полторы сотни метров, но это расстояние они могли покрыть в десять секунд. Ему необходимо их как-то остановить, подумал он, чтобы выиграть время. Но как?

В тот момент, когда он оказался в двадцати метрах от кузова, а до первой машины оставалось не больше восьмидесяти метров, Франческо решил сделать самое простое, что можно было сделать в его положении – остановился на тротуаре, достал пистолет и, прицелившись, выстрелил.

До его слуха донесся щелчок, когда пуля врезалась в топливный бак, но сам бак почему-то сейчас не взорвался. Мгновение Франческо стоял неподвижно – разрывная пуля имела энергию, чтобы сдетонировать топливо, почему же этого не произошло?..

Тем временем, продвинувшись дальше, грузовики оказались в пятидесяти метрах от кузова, и неожиданно, глядя на их звероподобные морды, Франческо *понял*, почему не последовало взрыва: за сегодняшний день эти машины, наверное, проехали уже несколько сот километров, так что уровень топлива в баках понизился. Скорее всего, он просто попал в пустую часть бака.

Не опуская оружие, Франческо снова прицелился и нажал на крючок пистолета. Вытолкнутая из ствола тупоносая пуля промчалась над мостовой и ударила в нижнюю часть бензобака. Однако и на этот раз горючее не взорвалось – вместо того, чтобы полыхнуть подобно снаряду, брызнуло четырьмя струями через отверстия в баке: две из них, словно струи огня, накрыли улицу, в мгновение ока превращая ее в полыхающий ад; две другие ударили под днище кузова, обогнули его и сомкнулись над крышей. Через секунду до Франческо донесся скрип тормозов, он оторвал взгляд от пламени и бросился к подворотне...

В считанные секунды он оказался возле арки трехэтажного дома и нырнул в ее черноту, однако за мгновение до того обернулся и увидел картину: оторванный кузов, как и вся прилегающая к нему мостовая, был охвачен огнем, в котором сгорали те, кому не суждено было превратиться в богопротивных созданий; два грузовика замерли перед полыхающими останками, а их водители стояли перед машинами. Их лица были повернуты в его сторону, пустые глаза с ненавистью глядели через огонь на того, до кого не могли дотянуться...

Глава тридцать шестая

Через мгновение после того, как над черепичными крышами взметнулся огненный столб, от его верхушки отделилась сверкающая точка и устремилась по параболе вверх. Гольди услышал, как охнула Джей, а в следующий миг из долины донесся хлопок. Тем временем сверкающая точка достигла вершины параболы, на мгновение замерла и устремилась к земле. Через секунду она скрылась за крышами домов, а еще через короткое время раздался удар.

– Вот же дьявол! – вздохнул комиссар, переводя взгляд на старика. – Что это было?

Аз Гохар повернул голову к долине после того, как охнула Джей Адамс, поэтому взрыва не видел, но заметил сверкающую точку и различил шум падения. Он тут же подался над парашетом, словно надеялся разглядеть происходящее через крыши, и в этот момент прозвучал громкий голос Андрея:

– Грузовики останавливаются!

Мгновение Аз Гохар оставался недвижимым, похожим на каменное изваяние, а затем сделал шаг к телескопу. Демонолог освободил ему место, старик наклонился к прибору и, заглянув в окуляр, пару долгих мгновений смотрел в телескоп, пока Гольди и Джей Адамс разглядывали город в бинокли, наконец, протянул:

– Это машины, которые мы видели на площади!

Комиссар ощутил легкий укол – в голове его вспыхнуло: «Гулы!», – а секунду спустя разглядел еще одну вспышку: в том месте, где полминуты назад возник огненный столб, вверх взметнулось кровавое облако пламени. Через бинокль он отчетливо различил ярко-красные сполохи и сразу же понял, что этот взрыв не вызван вспыхнувшей газовой установкой или сдетонировавшим бензобаком машины – так может взрываться один лишь тротил.

Не опуская бинокль, он процедил:

– Какого дьявола там происходит?!

Через секунду после второго взрыва двигавшиеся к центру Террено грузовики принялись останавливаться. Наблюдавший за машинами Аз Гохар разглядел, как, замерев на правой стороне улицы, они какое-то время оставались на месте – словно их водители переговаривались по рации, – после чего развернулись и отправились туда, откуда только что приехали... За короткое время грузовики промчались два квартала и оказались в том месте, где улица поворачивала; не останавливаясь проехали поворот, и старик потерял их из вида – высившиеся над улицей дома заслонили машины. Еще какое-то время он всматривался в черепичные крыши, а потом повторил:

– Да, это были те самые грузовики, на которых в Террено приехали карабинеры!

Гольди, смотревший в бинокль, заметил машины, но не сумел разобрать их в деталях. Несколько секунд после того, как замолчал Аз Гохар, он смотрел на крыши в том месте, где дважды появлялся огонь, – словно надеясь увидеть того, кто устраивал взрывы, – но ничего не увидел... Когда прошло еще полминуты и он уже собирался опустить бинокль, чтобы задать вопрос старику, стены домов озарила третья вспышка. Комиссар машинально напрягся, однако на этот раз пламя лишь на мгновение появилось над крышами и тут же исчезло...

С минуту он мрачно глядел на место недавнего взрыва, но ничего не увидел – кроме поднимающихся над улицей дыма и ярких сполохов пламени. Тогда он спросил:

– Как вы думаете, синьор Аз Гохар, что это было?

Старик двинул плечами:

– В грузовиках сидели гулы – в этом у меня нет сомнений. Если же вы спрашиваете о вспышках, то здесь возможны два варианта: вряд ли это случайные взрывы, поэтому либо это дело рук гулов, либо людей.

– Согласен. Но кого именно?

Аз Гохар снова двинул плечами:

– Не знаю. Гулы не любят огонь, поэтому вряд ли бы стали взрывать что-то посреди города. С другой стороны, мы ничего не знаем об их планах, поэтому не исключено, что взрывы устроены ими.

Нервно выслушав старика, Гольди мрачно кивнул, но свое мнение решил оставить при себе. Еще какое-то время он смотрел на Террено, но ничего необычного там не заметил. Тогда он взглянул под навес, куда прошли демонолог и девушка, и сказал, возобновляя прерванный разговор:

– Синьор Аз Гохар, вы сказали, что гулы могут видеть будущее. Это серьезно меняет всё положение, и если до этого я мог поверить, что с ними можно бороться, то теперь я кое-чего не понимаю... – Его брови двинулись к переносице. – Если гулы видят будущее, то, значит, они заранее знают, что с ними случится – например, что кто-то попытается к ним подобраться. А если так, то они легко могут предотвратить эту попытку. Я прав?

Комиссар замолчал, и Аз Гохар секунду раздумывал, перед тем как ответить:

– Не совсем, комиссар. Я сказал вам, что эти создания способны заглянуть в будущее, но не пояснил, каким образом – а в этом и заключается самая суть... Гулы действительно могут видеть будущее, но им не дано знать его, как человеку прошлое – от рождения до смерти. Гул может увидеть лишь небольшую часть грядущих событий, и она зависит от его возраста – чем гул моложе, тем меньший отрезок будущего доступен ему. Молодые гулы могут видеть его лишь на секунды, старые – на минуты вперед. Перед Вассахом открыт гораздо больший интервал времени, но и для него он конечен и не может превышать нескольких часов... Что же касается вашего предположения о том, что гул может узнать о своей смерти и предотвратить ее, то оно не правильно. Если гулу суждено умереть, он умрет и не узнает об этом – для него его собственная смерть представляется в виде «пятна», и дьявольское существо просто не видит ее. К тому же, чем ближе гул к своей смерти, тем сильнее уменьшается у него способность видеть будущее, а за несколько минут до смерти она у него полностью исчезает.

Выслушав Аз Гохара, Гольди вздохнул:

– Напоминает, как действуют фары машины... – Брови старика дрогнули. – То, как он видит будущее, – словно автомобиль, едущий в темноте и освещающий части дороги!

На этот раз старик понял, что имеет в виду комиссар.

– Да, сравнение верное.

Гольди потер переносицу.

– Значит, гулы знают не всё будущее, а лишь его часть? – Он сделал короткую паузу. – Что ж, это лучше, но всё равно неприятно...

Еще пару долгих секунд он раздумывал.

– Синьор Аз Гохар, вы утверждаете, что молодые гулы способны видеть на секунды, а старые – на минуты вперед. Следует ли из этого, что появившиеся в Террено твари не могут заглянуть далеко в будущее?

– Все гулы в Террено, за исключением Вассаха, разумеется, молоды, – кивнул Аз Гохар.

– Значит, их можно убить без проблем?

– Без сомнения!

– А Вассаха?

– Вассах, конечно же, старый гул и способен разглядеть будущие события намного вперед, но и его можно убить – ведь он только гул, пусть и опытный. И он умрет – в Пророчестве об этом сказано ясно!

– В Пророчестве... – повторил комиссар и внезапно нахмурился: – Между прочим, почему вы так верите в это Пророчество? Ведь оно было сделано невероятно давно – как мог знать ваш предок, что произойдет в этом городе через три тысячи лет?

– Я уже объяснял это, – спокойно ответил старик, – ему явился посланник Ормазды и передал текст Пророчества. А Ормазда – Бог Света – он знает всё, что когда-либо случалось, случается или случится под солнцем!

Гольди недоверчиво протянул:

– И все-таки кое-что мне не нравится... Вассах пошел на то, чтобы уничтожить жителей Террено. Но если он знает будущее, то, наверняка, видел, что ему удастся осуществить задуманный план. Не значит ли это, что вы ошибаетесь, и гулы свое дело сделают и уйдут из Террено?

– Нет, Вассах Гул умрет, а вместе с ним умрут и его слуги. Возможно, он видел, что ему удастся убить «воинов» города и его жителей, но вряд ли он знает, что произойдет в этом городе дальше. Может быть, уже сейчас он приближается к своей смерти, она представляется ему темным пятном, это пугает его, но он пойдет до конца, ибо ждал этого дня сотни лет.

Выслушав старика, Гольди кивнул и неожиданно увидел вопрос, который до сих пор у него не возникал, но который он, следуя логике, должен был задать в самом начале.

– Кстати, а откуда Вассах знает о вас? Вы уже с ним встречались?

– Ни разу!

– Так откуда же он знает ваше имя и то, что вы находитесь в городе?

Перед тем как ответить на этот вопрос, Аз Гохар сделал паузу: оторвав взгляд от Гольди, повернулся к долине и секунду глядел на клубящийся над местом недавнего взрыва дымок.

– Существует предание, что, зная о воинах Ормазды, защищающих людей, Ариман передает это знание своим детям – каждый гул, рождаясь в земле, получает знание о людях нашего рода вместе с остальными способностями. Это нечто вроде памяти, хранимой землей: еще находясь в ней, каждый гул узнаёт о существовании людей, которых он должен бояться и которые в любой момент могут прийти и убить его, и сохраняет это знание в течение всей своей жизни... Впрочем, – повторил Аз Гохар, – это всего лишь предание, перешедшее к нам от Язатасов и передающееся в нашем роду. Его никто не проверял, поэтому я не могу утверждать, что всё обстоит именно так.

– Но ведь Вассах знает о вас?

– Разумеется.

– Значит, ваше объяснение верно.

– Возможно. Но не исключено, что здесь существует другая причина: вполне вероятно, что Вассах знает обо мне и из будущего.

Брови на лице комиссара встревоженно изогнулись.

– Вы имеете в виду, что Вассах может видеть вас в будущем?

– Да, не исключено, что скоро мы встретимся, и он знает об этом!

Гольди кивнул, дав понять, что он понял услышанное:

– И все-таки возвращаясь к тому, о чем я вас уже спрашивал... Теперь, когда вы объяснили, что гулы способны заглянуть в будущее, становится еще непонятнее, почему Вассах не убил меня возле монастыря – ведь если он может видеть будущее намного вперед, то должен был знать, что мы с вами встретимся, а после этого я вызову подкрепление из Милана. Так почему же он меня не убил?

Аз Гохар перевел взгляд на Гольди и какое-то время смотрел на него, но как будто не видел, а потом в глубине его глаз неожиданно вспыхнул огонь.

– Комиссар, кажется, только что вы натолкнули меня на один интересный вывод!

– Чего? – бросил Гольди. – Какой?!

– О том, *почему* Вассах не убил вас возле монастыря... – Кончики губ Аз Гохара чуть дрогнули. – Для нас это очень важный вывод, комиссар! Вы даже не представляете себе, *насколько*!..

* * *

Оставив позади улицу с горящим грузовиком, Франческо пробежал полтора квартала и оказался в пятистах метрах от Виа Мареа, на небольшой улочке с трехэтажными домами. Нырнув в подворотню первого же из них, пересек двор, ворвался в подъезд и помчался наверх, перепрыгивая через пару ступеней и чувствуя оглушительные удары в груди.

Через короткое время он оказался на лестничном пролете третьего этажа, остановился у окна, тяжело дыша и понимая, что неспособен больше сделать движения, бросил взгляд вниз, но никого не увидел: крошечный двор дома был пуст – за исключением мертвого старика, лежащего возле резных колонн арки. Тогда он сорвал с плеча сумки и опустился на пол, чувствуя, как дрожат мышцы ног...

Никогда прежде он не бегал так быстро – наверное, даже двадцать лет назад, когда мчался по залитым ночным светом улицам Нового Орлеана, оставляя на полу туалета убитого человека. Он чувствовал, что пропитавшаяся потом рубашка прилипла к спине, плечи превратились в саднящие раны, а дыхания у него оставалось не больше чем на пару шагов.

Франческо провел рукой по лицу, вытирая испарину: правда, всё это было не напрасно – ведь ему удалось уйти от адских существ...

...Когда через языки пламени он увидел лица двух тварей, выскочивших из грузовиков, то решил, что сейчас они бросятся за ним и это будет концом – он знал, что если бы это случилось, он бы не справился с двумя гулами сразу. Но когда он промчался короткий проулок и нырнул в первую подворотню, то позади себя никого не увидел и понял, что гулы решили не преследовать его на узких улочках города. И все-таки он пробежал еще триста метров так быстро, как только он мог, – это гарантировало ему безопасность...

...Подняв руку, Франческо постучал ладонью по правому уху – оно всё еще звенело после серии взрывов, – обожженная щека и горло саднили, однако всё это было пустяком по сравнению с тем, что могло произойти с ним, окажись гул в кабине проворней его.

Вытащив пистолет, Франческо достал из кармана патроны, отщелкнул обойму и принялся заряжать ее, лихорадочно размышляя о происшедшем на Виа Мареа.

Итак, он получил подтверждение тому, что слова старика не были пустой болтовней – своими глазами он видел дьявольское существо и едва не заплатил за неосторожность собственной жизнью. И это заставило его задаться вопросом: если даже разорванное пополам оно способно убить, то что может сделать в обычном состоянии?.. Неожиданно он вспомнил заброшенный монастырь, и теперь сцена с длинноволосым «цербером» не показалась ему необычной – три пули в голову для гула, похоже, ничто. А если учесть всё остальное, о чем говорили старик и его молодой спутник – о способности гулов читать мысли и подавлять волю людей, – то становится ясно, что бороться с ними в одиночку бессмысленно.

Загнав последний патрон, Франческо вставил обойму в пистолет и сунул оружие за пояс. Последняя мысль неприятно подействовала на него, но он понимал, что его вывод верен: пытаться одному противостоять этим тварям – значит, заранее обречь себя на неудачу. Ведь для того, чтобы справиться с одним гулом, ему потребовались два гранатометных заряда, которыми легко можно было уничтожить и роту солдат. Так что же он сделает, если окажется один против нескольких тварей? И вообще, сколько их сейчас в городе?

Франческо потер переносицу, стараясь припомнить: не говорил ли об этом старик, когда он находился в машине, и неожиданно вспомнил такой эпизод: перед тем как связаться с Миланом, комиссар спрашивал старика, сколько людей, устроивших бойню, находится в городе, и тот заявил, что не менее двадцати. Он медленно провел ладонью по саднящему горлу – последнее означало, что в Террено не менее двадцати этих адских существ!

Франческо тяжело поднял сумку и вытащил из нее бутылку воды. Открутив колпачок, сделал пару глотков, вылил воду в ладонь и смочил ей горящую щеку. Двадцать гулов на одного – это много, подумал он. К тому же, скоро их станет во много раз больше – ведь уничтожили они жителей города для того, чтобы увеличить свое число в тысячи раз.

Внезапно перед его мысленным взором возникла картина, виденная им в искореженном кузове: не менее сотни тел, уложенных аккуратными штабелями, – Франческо не сомневался, что гулы везли их туда, где хотели превратить в себе подобных. Он не знал, что это было за место – возможно, им были городские кладбища или пустыри возле Кальва-Монтанья, а может быть, склон горы? – но чувствовал, что не ошибается... Так как же он может отомстить тем, кто впервые в жизни заставил его вложить ствол пистолета себе в рот, а перед этим – испытать самое страшное потрясение в жизни?..

Сидя на полу лестничного пролета, Франческо Борзо пытался найти ответ на последний вопрос, но как ни старался, сделать этого ему пока не удавалось...

* * *

Поправив повязку, Аз Гохар протянул:

– Комиссар, кажется, я *понял*, почему Вассах не убил вас возле монастыря. Он не сделал этого по той же причине, по какой мы с ним не встретимся в ближайшее время: по-видимому, мое последнее предположение оказалось неверным – Вассах *не видит* меня в будущем, знание обо мне он получил из земли!

– Что вы имеете в виду? – повторил Гольди, по-прежнему не понимая, к чему клонит старик.

Аз Гохар чуть помедлил, но, вместо того, чтобы ответить прямо, спросил:

– Скажите, комиссар: сколько времени прошло между тем, как вы уехали от монастыря и в последний раз разговаривали с Вассахом по рации?

– Минут тридцать пять или сорок.

– А в первый раз вы говорили с ним минут за двадцать до этого?

– Да.

Аз Гохар довольно кивнул:

– Это важно, комиссар. Понимаете, из всего этого следует вывод, что либо, отправляя вас в город, Вассах знал, что вы свяжетесь с Миланом, но не придавал этому большого значения, либо просто не видел этого! В любом случае наш разговор за две минуты до гибели города заранее был ему неизвестен, а значит, из этого следует, что сейчас он способен видеть будущее самое большее на полчаса вперед, а возможно, и меньше!

Немного подумав, комиссар понимающе бросил:

– Похоже, вы правы... Но почему вы говорите, что для нас это важно?

– А вы еще это не поняли, комиссар? То, что Вассах не способен заглянуть далеко в будущее, означает, что он не знает: удастся ли ему довести задуманное в Террено до конца или нет, а это уравнивает наши шансы... Кроме того, то обстоятельство, что он способен видеть лишь на минуты вперед, доказывает, что, скорее всего, он близок к собственной смерти. Вспомните, что я говорил вам: чем ближе гул к своей смерти, тем сильнее уменьшается доступный ему отрезок будущего; а это значит, что велика вероятность, что в ближайшие сутки Вассах Гул умрет и описанное в Пророчестве сбудется!

Когда Аз Гохар замолчал, Гольди какое-то время раздумывал – информация о гулах была довольно запутанной, но общую картину он себе уже уяснил. Оставалось, впрочем, самое главное – узнать, каким образом Аз Гохар намеревается бороться с теми, кто уничтожил население города.

– Синьор Аз Гохар, полагаю, вы рассказали всё, что знали о гулах. Однако теперь вы должны прояснить, каким образом собираетесь их уничтожить?

Старик, за мгновение до того повернувшийся к городу, произнес:

– Пока я не могу ответить на этот вопрос, комиссар: первый шаг остается за гулами – они должны начать действовать. Только после того, как они начнут осуществлять следующий пункт плана Вассаха, мы сможем решить, что делать дальше.

– Но, по-моему, они и так уже сделали многое? Город мертв!

– Да, но теперь они должны сделать следующий шаг.

– И вы знаете какой?

– Конечно, и я это говорил... Теперь гулы начнут собирать трупы по городу и свозить их туда, где из них смогут родиться новые гулы. Пока же они этого не сделают, идти в Террено бессмысленно – нам нужно ждать и наблюдать за долиной!

– Но вы уверены, что это произойдет?

– Разумеется!

Аз Гохар замолчал.

Какое-то время комиссар неподвижно стоял между ним и Джей Адамс, а потом развернулся и двинулся под навес, где сидел демонолог – тот спрашивал что-то у Паолы, и она отвечала ему, но говорили они очень тихо, так что от парашета их не было слышно...

Когда комиссар остановился у столика, Андрей оторвался от Паолы. Сунув руки в карманы, Гольди спросил:

– Синьор Белов, вы слышали наш разговор?

Демонолог кивнул.

– И вы знали о гулах? Я имею в виду: знали раньше?

– В самых общих чертах.

– Вы приехали в Террено вместе?

– Нет, мы случайно встретились этим утром в монастыре.

– Но вы были знакомы?

– Да.

– И о гулах вы тоже узнали от него?

– Частично...

Брови Гольди вопросительно изогнулись.

– ...Знание о гулах разбросано по всему миру, комиссар: в легендах и преданиях разных народов – нужно только внимательно их изучить, чтобы выяснить правду, а именно этим я занимаюсь, ведь по профессии я демонолог.

Гольди недоверчиво протянул:

– Ну, хорошо... А насколько всё это соответствует действительности?

– Вы спрашиваете: насколько это соответствует действительности? Правда ли то, что рассказал Аз Гохар?.. – Увидев, как Гольди кивнул, демонолог продолжил: – Разве не видели вы достаточных подтверждений своими глазами?

Гольди нахмурился, а демонолог взял банку и сделал глоток. Глядя на него сверху вниз, комиссар машинально отметил морщины, обозначившиеся вокруг его глаз, – благодаря многолетнему опыту ему были знакомы эти морщины – так выглядят лица людей, озабоченных какой-то идеей, витающей в их мозгу, но не способных найти ей решение. Похоже, что что-то мучает этого человека, решил комиссар и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.